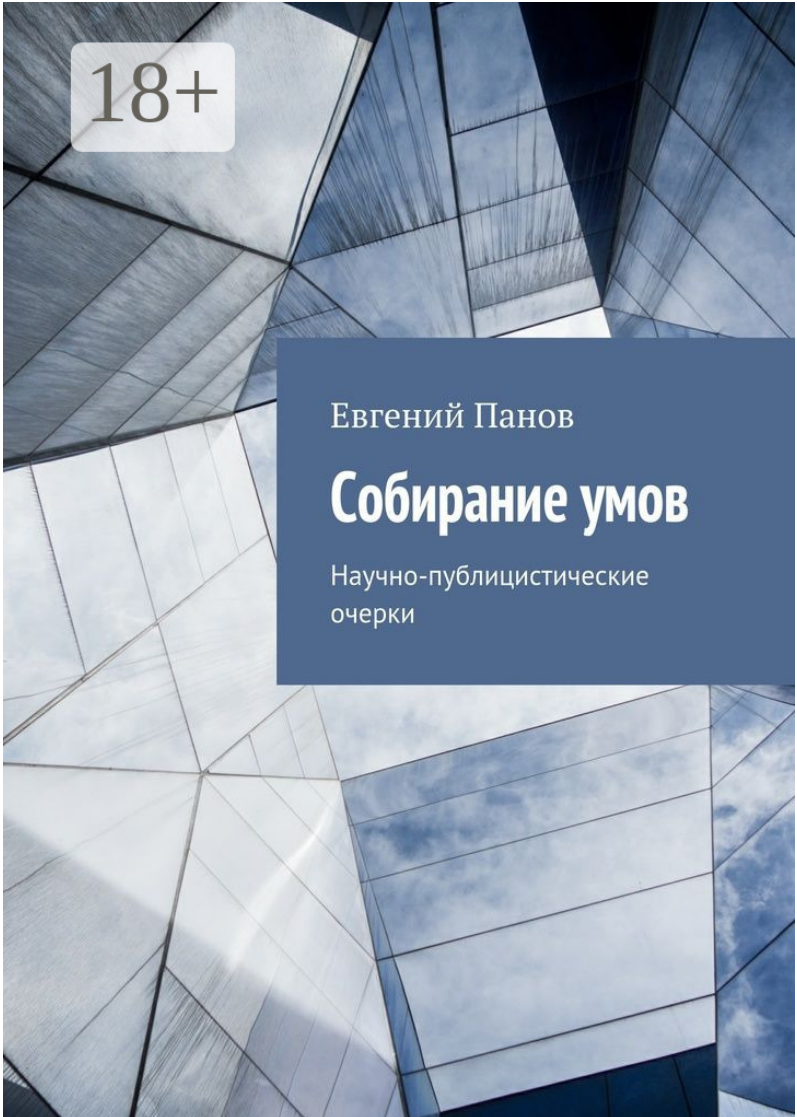

Евгений Панов

Собирание умов

Научно-публицистические очерки

Евгений Панов

Собирание умов. Научно-публицистические очерки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22758718
ISBN 9785448354441

Аннотация

Современная проза – это не только художественная литература. Это еще и публицистика. Она отвоевывает все больше внимания, ее все охотнее читают наши современники. Секрет прост: публицистика обращена и к сердцу, и к уму человека, адресована человеку как целостному существу. И в этом – одно из ее главных достоинств!

Содержание

О, русская земля! ты уже за холмом?.. 5
Реформы по совести 5
Реформы в потёмках 25
Собирание умов 42
Пристанище на Дербеневской 42
Интеллект – модернизация – развитие 45
На двух полушариях 72
Голос Ойкумены 76
У нас – Ползунов, у них – Эдисон 79
Лента Мебиуса 81
Кристалл Разума 85
Чистая вода экономики 96
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Собирание умов
Научно-публицистические очерки
Евгений Панов

© Евгений Панов, 2017
ISBN 978-5-4483-5444-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, русская земля! ты уже за холмом?..

Реформы по совести

Весь исторический путь России усеян обломками несостоявшихся реформ. Так может быть, страна принципиально не поддается преобразованиям? Или поддается не всяким? Рыночным, например, не поддается, поэтому в России так и не появился средний класс в западном понимании. Что ж, мы другие, у нас, по сути, до XX века, до появления машинных технологий, резко повышающих производительность труда, не было условий для развития рынка.

Какие же из попыток улучшить или просто изменить российскую действительность следует считать реформами в истинном смысле слова? Над этими, всегда актуальными для страны вопросами бились лучшие умы нации. Они, что очень важно, не ограничивали реформы политическими или экономическими переменами. Речь шла о несравненно большем – реформах жизни, реформах бытия. На них акцентировали внимание такие выдающиеся русские философы, как Николай Бердяев и Семен Франк. Реформы бытия, в формулировке Франка, – это повышение его уровня, обога-

щение новыми благами. Реформа жизни, полагал философ, оправдана тогда, когда она вводит в мир более идеальный порядок, отменяет вопиющие несправедливости, уничтожает нестерпимый беспорядок, восстанавливает разладившееся общественное равновесие, спасает от какого-то мучительного бедствия.

Связь между реформами и всеобщим благом мыслилась прямая. У нас эта связь разорвана. Реформы есть, а блага нет. Процессы, идущие у нас с 1985 года, не спасли страну от бедствий, не привели к восстановлению общественного равновесия, не устранили нестерпимого беспорядка и не ввели идеального порядка. Наоборот! Страну поставили на службу немногим. Хорошо это или плохо не для этих немногих, а для страны в целом? Ответ однозначен. Его дал тот же Запад, на который готовы молиться эти немногие. При всей святости личного интереса, государственный, национальный интерес там всегда ставится выше, без этого и личного не обеспечить. Его не обеспечить и тогда, когда человек лишен достоинства. А именно достоинство сегодня у большинства россиян украдено.

Реформа жизни, реформа бытия не состоялась. Не достигнута также ни одна из провозглашенных локальных целей. Почему? Не потому ли, что, говоря словами Чехова, внимательный наблюдатель не смог бы обнаружить в нынешних преобразованиях того, что называется общей идеей или Богом живого человека? Вот главное: процессы, иници-

ированные Михаилом Горбачевым, продолженные Борисом Ельциным и продолжаемые Владимиром Путиным, должны иметь идею. При всем желании ею нельзя считать переход к рыночным отношениям или обретение свободы. Свобода, как известно, абсолютной не бывает, к тому же важнее а не ». Когда целью реформ провозглашается приватизация, реструктуризация экономики, создание класса собственников, пусть даже построение капитализма, хочется спросить: и это все?! Но, господа, рынок, да и самое демократия – всего лишь средство, используемое, к тому же, под контролем государства. Оно должно ограничивать хозяйственную свободу там, где свобода приводит к недопустимой эксплуатации слабых сильными. Государство с помощью принудительных мер обязано защищать бедных, имущественно слабых, налагать запрет на действия и отношения, которые оно считает недопустимыми с точки зрения социальной справедливости. *«свобода для», «свобода от*

Так полагали русские философы. Отнюдь, заметим, не социалисты. Наоборот, они считали социализм замыслом принудительного осуществления правды и братства между людьми, который прямо противоречит христианскому сознанию свободного братства во Христе. И тем не менее именно государство должно обеспечивать высшую цель реформ – повышение уровня бытия, обогащение его новыми благами. Именно государство обязано поддерживать социальную справедливость реформ. Справедливость – непре-

менное условие, обязательное требование. По тому, достигнута справедливость или нет, судят о нравственности реформ. Справедливость и нравственность – высший критерий их успешности. Безнравственные, аморальные реформы – неудачны.

Значит, обеспечивая справедливость реформ, государство становится нравственным арбитром. И как бы сегодня это ни звучало, носителем высшей морали. Сегодня, что и говорить, это звучит странно. Результаты почти двух десятилетий реформ в России несправедливы и аморальны. Разве справедлив, нравствен переход значительной части национального богатства, стратегических ресурсов страны под контроль узкого круга лиц и обнищание большей части населения? Несправедлив и совершенно безнравствен.

Нужны ли другие примеры, хотя их более чем достаточно? Нет, один этот дает основания для вывода об аморальности самого государства, то есть, власти, еще точнее – об аморальности людей у власти, властей предержащих, чиновников, бюрократов. Приходится говорить уже не о «классической» коррупции, которой в разной степени поражены все демократии, а о настоящей криминализации власти. По данным зарубежных исследований, наибольший уровень криминализации власти был характерен для 1998 года. Еще немного, и наступил бы необратимый коллапс системы управления страной и начался бы распад общества. В последующие годы уровень криминализации власти несколько снизился,

но критическая черта по-прежнему близка.

Так стоит ли удивляться, что Запад не любит и боится нас, что даже в дни беды ведет себя по отношению к России прагматично и жестко, требуя «объяснений» по поводу гибели детей от рук террористов? Мы ведь и сами себя не любим, называя «этой страной». Не потому ли, что государство, страна отобрали у нас достоинство? «Человек проходит как хозяин» могут сказать сейчас о себе очень немногие лица. Но они-то как раз и не связывают свой личный интерес с национальным интересом. Им что «та страна», что «эта». Родина для них место, где стоит их вилла.

Россия имеет славное прошлое, возможно, ее ждет светлое будущее, но ее настоящее никого не устраивает. «Так жить нельзя!» – провозглашали апологеты реформ 15 лет назад. «Так жить нельзя!» – провозглашают они ныне, всячески торопя продолжение либеральных перемен. «Так жить нельзя», чешет в затылке народ. Реформы ему жизненно необходимы, необходимы больше, нежели либералам, уже отхватившим от общего пирога, но те ли, что предлагают либералы? Народ напуган приватизацией и акционированием, проводившемся с помощью ОМОНа. Народ боится, и не без оснований, что бойцы в камуфляже и масках, нанятые враждующими латифундистами, устроят войну на бывших колхозных полях или, не дай Бог, магнаты втянут в свои разборки целые регулярные армии. Так жить и вправду нельзя. А как можно и нужно, чтобы земля не зарастала бурья-

ном, как сейчас? Отдать ее, наконец, крестьянам? Хорошо. Но каким именно крестьянам? Ветхим старикам и старухам, оставшимся в обезлюдевших деревнях? Дайте им наделы, и назавтра нагрянут скупщики земли. Как явились некогда скупщики икон и сгребли за бесценок древние доски.

Земля всегда была в России не только сельскохозяйственными угодьями. Земля – это Мать сыра-земля, родная земля. Русская земля. В «Слове о полку Игореве» Русская земля – синоним самой Руси, Родины. Рать Игоря «полегоша за землю Русскую». Умереть за нее было честью, и она обильно полита русской кровью. Ее отбивали у кочевников с Востока, у тевтонцев, у ливонцев, у поляков, у шведов, у французов, у немцев. Это объект почти сакральный.

Земли для российского государства постепенно приобретались усилиями Ермака, Дежнева, Хабарова. Об этом одним из первых написал сосланный в Сибирь Радищев. Приобретение – его слово. Не покорение, не завоевание, не колонизация – приобретение. Но не для себя, не в частную собственность. Никому из казаков-первопроходцев и в голову не приходило застолбить участок на Енисее, Лене или Амуре. Приобретенные земли не давали сиюминутной отдачи, поэтому походы пионеров не имели видимого экономического смысла. Смысл, и то не просто экономический, становится виден лишь теперь. Громадные пространственные резервы Сибири, Севера и Дальнего Востока были стратегическим ресурсом на будущее.

Не сочтите за патетику, но эти приобретенные предками земли оставлены нам не для того, чтобы безропотно уступить их олигархическим кланам или подпольным латифундистам. Не для них, ей Богу, старался первопроходец Семен Дежнев, обогнувший Чукотку и открывший пролив между Азией и Америкой. «И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволено и выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек…» Под конец осталось двенадцать – нагих и босых, без воды и без пищи, без тепла и пристанища, и это в Арктике! Чукчи («чухочьи люди») настроены враждебно, посланные на берег разведчики пропадают без следа, самого Дежнева ранило стрелой чуть не до смерти… Но – ни шагу назад, только вперед!

Не говоря уж об этической стороне дела, экономический смысл перехода российских земель в руки капиталистов совсем неочевиден. Да, мировой, опыт подводит к мысли, что самым эффективным является крупное сельскохозяйственное производство при частной собственности на землю. В Чехии правительство роздало треть земель мелким производителям и ошиблось. Даже в США правительство отказало в поддержке 200 тысячам фермеров, зато в 50 тысяч крупных производств вкладывают деньги… Казалось бы, правда на стороне латифундистов, земельных магнатов, слой которых, если верить честным аналитикам, активно формируется в России. Но именно здесь, как это ни раз бывало,

хорошие чужие рецепты могут привести к плохим результатам. Зацветет ли земля у российских латифундистов? У новых фермеров она не зацвела, ибо не произошло и не произойдет ничего такого, что заставит ее родить вдвое и втрое.

Мы не Германия, не Америка – климат другой, почвы другие. Даже в одном из самых продуктивных российских регионов – Воронежской области, на лучших в мире черноземах прирост биомассы вдвое ниже, чем в среднем по Европе и в 3—4 разе ниже, чем в Америке. Только 5 процентов российских земель сравнимы по плодородию с американскими. У нас теплый период в средней полосе продолжается немногим больше 100 дней. В Германии он равен 195 дням, во Франции – 245, в Соединенных Штатах – 285 дням. Поэтому для получения сопоставимых с европейскими урожаев в нашу землю надо вкладывать труда и инвестиций в несколько раз больше, нежели в Европе. Потребность в том и в другом намного превышает возможности латифундистов. А следовательно, без участия государства им землю не поднять. Расчет на инвестиции из-за рубежа – утопия, они могут иметь лишь частное, локальное, но не всеобщее значение. Именно государству придется брать на себя бремя природных рисков, компенсировать производителям потери.

Поэтому переход земли в частные руки и запуск ее в свободный оборот не решает продовольственных проблем страны. Чтобы решить их на наших почвах, в нашем климате,

необходимы технологии принципиально иного уровня. Пока они не созданы. Так что в России не совсем корректно подходить к земле с критериями экономической эффективности. Тут необходимы совсем иные критерии – **критерии национальной безопасности.**

С другой стороны, земля – материальная база земледелия и сельскохозяйственного производства, объект экономических отношений, в том числе, разумеется, отношений собственности, которые никто не запрещает реформировать. Так-то оно так, но божественный план Русской земли бросает отблеск на ее хозяйственную ипостась. С землей нельзя поступить непродуманно, наспех, несправедливо. Земля слишком много значит для страны и для народа. Понятное опасение совершить непоправимую ошибку всегда связывало руки реформаторам. На них давил груз неимоверной, сверхчеловеческой ответственности. Самого лучшего, самого справедливого пути они не ведали. Не знали, что будет для России благом, а что – злом. И – отступали, так и не начав реформ или не доведя их до конца. Так что не случайно весь исторический путь России усеян обломками несостоявшихся реформ. Не случайно приходит мысль что страна не поддается преобразованиям… Или поддается, но не всяким.

Возможно, она откликнулась бы на замыслы реформ, начавшихся после февральской революции 1917 года. Тогда создавались Особые земельные комитеты, поддерживавшие борьбу крестьян за землю. Они задумывались как инстру-

мент надзора за реформаторскими порывами власти, направляющий бюрократию в русло всеобщего блага, справедливости и правды. Почему бы нам сегодня не поучиться у своей же истории? Или почему бы не вменить идеологам очередных радикальных шагов простой и непременной обязанности нормальным человеческим языком говорить людям – дорогие сограждане, мы, государственные чиновники, депутаты, специалисты хотим сделать то-то и то-то и делаем поэтому на первом этапе то-то, а на втором станем делать то-то. Почему бы, как сейчас говорят, не задать правила игры?

Но в том-то и печаль, что задавать их невыгодно. Врубаться в новую жизнь, ковать успех и благополучие лучше без правил. Наоборот, нужно уметь решительно пойти на нарушение закона. В цене – агрессивность, нечестность по отношению к партнерам, хорошие личные связи с бюрократами, умение «кинуть», а в крайнем случае, и «заказать» партнера и конкурента, способность вырвать свое зубами. Такими чертами обладают многие из тех, кто добился крупного успеха в деловой сфере. Тот, кто играет в бизнес-игры, просто обречен играть по этим «правилам», иначе надо выходить из игры. В этой игре без правил и побеждают профессионалы игры без правил. Убийства предпринимателей и государственных чиновников, черный пиар, мошенничество – нормы поведения, приводящего к успеху в условиях наших реформ.

Поэтому игрой без правил, скорей всего, окажутся и бу-

дущие реформы, в том числе земельная. Трудно предположить, что в атмосфере вседозволенности она вдруг окажется образцом нравственности, справедливости и профессионализма. Ведь финансово-промышленные группы, корпорации, олигархические кланы располагают неограниченными возможностями давления на законодательную и исполнительную власть. Продавливать нужные решения, впрочем, не так уж и трудно, ибо депутаты и государственные чиновники прежде всего руководствуются личными интересами, даже не очень маскируя махровый лоббизм пышной риторикой о народном благе. Не секрет, что подпольные латифундисты, под шумок скупающие сельскохозяйственные угодья, получают конфиденциальную информацию от самих государственных чиновников. Или от разведчиков, внедряемых в госструктуры. Практика внедрения своих людей в нужные ведомства используется уже давно. Это помогло олигархическим кланам приватизировать самые лакомые куски государственной собственности.

Печальный опыт подсказывает: сегодня любая, пусть даже теоретически безупречная, полностью здравая модель земельной реформы будет извращена коррумпированными чиновниками в пользу тех, кому они служат и кто оплачивает их услуги, а значит, государство не сможет обеспечить справедливость реформы (а она, напомним, имеет для России не просто экономический и социальный, но и высший, мировоззренческий и сакральный смысл). Не сможет хотя бы

потому, что попросту не озаботится неэкономическими проблемами. Справедливость – вне поля зрения власти. Будь иначе, непременно пришлось бы заняться пересмотром результатов приватизации. Но, как известно из многочисленных заявлений высших должностных лиц и самого президента, нам это пока не грозит.

Что или кто, в таком случае, может выступать нравственным арбитром при проведении реформ? В чьих силах не допустить очередного, на сей раз фатального ограбления народа, еще одного его беспримерного унижения? Это в силах самого общества, само гражданское общество и выступит третейским судьей, убеждают нас либералы-западники, подталкивая к новым радикальным шагам. Но есть ли в России гражданское общество? Оно формируется у нас с явным опозданием, и на то есть объективные причины. Это должны бы понимать политики, которые любят ссылаться на западные образцы. Россия всегда отличалась от Запада. События XX века, пожалуй, еще больше усугубили различия. Революция 1917 года была не только сменой политического строя, но и, казалось бы, бесповоротным отрицанием господствующей духовной традиции и традиционной морали. Однако укрепление СССР потребовало к ним вернуться. Моральный кодекс строителя коммунизма, как давно известно, во многом перекликается с ветхозаветными и новозаветными заповедями, христианская мораль была принята коммунистическим государством в качестве государствен-

ной господствующей морали. В Советском Союзе государство, в отсутствии гражданского общества, частично взяло на себя функции последнего. Однако и западные демократии отнюдь не безразличны к вопросам нравственности. Господствующая мораль поддерживается государственными институтами.

Соединенные Штаты и Западная Европа сохранили на протяжении всей своей истории уровень традиционной общественной морали как в системе законодательства, так и в деятельности основных государственных институтов. Так, США, например, является по статистике наиболее верующей страной Западного полушария, 91 процент населения здесь – верующие, из них 89 процентов – христиане. В Германии верующих 75 процентов. Наиболее «атеистическая» страна – Англия с 55 процентами верующих, но это страна, максимально сохранившая свои более чем тысячелетние традиции. В Конституции США слово «Творец» упоминается четыре раза, а президент приносит присягу на той самой Библии, которую держал в руках еще первый президент Соединенных Штатов. Эти обстоятельства многое определяют в системе западной демократии, которая для многих наших политиков является образцом для подражания. При всех издержках она представляет собой отлаженную и сбалансированную систему – ведь и ее лидеры, и рядовые граждане, и политики, и бизнесмены, и клерикалы, и интеллектуалы в большинстве являются носителями христианской культу-

ры и традиционной морали.

Неправда, что западные общества живут только по закону. Да, законодательство за века отшлифовано здесь до блеска, правовая культура глубоко укоренилась в обществе, механизм разделения властей действует безотказно. Но все это великолепие стоит на фундаменте исторической традиции. Запад живет в согласии с моральными принципами и нравственными нормами. Этого упорно не хотят замечать наши либералы-западники. Сводя дело только к технологиям, которыми действительно славен рациональный Запад, они сознательно обездушивают любую человеческую деятельность, ограничивая ее мотивы исключительно «интересом» и «выгодой», обедняют жизнь. Поэтому реформы, спланированные и проведенные бездушными, лишенными духовного стержня технологами, оказываются несправедливыми и аморальными. Поэтому реформированная технологами страна живет не по совести. А жить по закону она никогда не умела. И не в последнюю очередь потому, что у нас никогда не было справедливых законов, как не было механизмов их соблюдения. «Закон что дышло», искренне полагает русский человек. С таким правосознанием надо жить по совести. А это сейчас невозможно.

Итак, ни государство, ни общество не могут играть роль нравственного арбитра, гаранта справедливости продолжающихся реформ. И это очень тревожно, поскольку власть то и дело выступает с новыми инициативами. Свежий пример –

замена льгот денежными компенсациями, то есть, по сути, традиционных общественных, читай, человеческих связей голыми монетарными отношениями. Кто разрабатывает идеологию и программу этих бездушных «мероприятий»? Кто эти люди, берущие на себя смелость резать по живому? Мы их не знаем. Публичные политики лишь озвучивают предложения и отчитываются за продвижение социальных проектов. Те, кто в действительности их составляют, не пишут статей, не выступают с докладами, не призывают к обсуждению концепций. Вполне возможно, что проекты сочиняется где-нибудь на государственной даче бригадой безликих «технологов» точно так же, как бригадами младореформаторов сочинялись в ельцинские времена эпохальные концепции и программы.

Какими убеждениями руководствуются эти «технологи»? Существуют для них такие вещи, как моральные принципы и нравственные нормы, понятия добра, всеобщего блага? Говоря прямо, каков их духовный облик? В чем их вера? Знают ли они свою страну, свой народ? У русских отсутствуют агрессия и жесткость в бизнесе, говорил небезызвестный г-н Гусинский. А куда раньше него Николай Александрович Бердяев говорил о генетической небуржуазности России, ее «непризванности к благополучию». Простите за прямой вопрос, но читали ли анонимные «технологи» Бердяева, Франка, Ильина, Федотова, Розанова, других русских мыслителей? Знаком ли им западный взгляд на нашу страну как

на явление природы? Ведь даже такой известный недоброжелатель России, как Карл Маркс, вынужден был признать, что в избавлении от татарского ига есть нечто чудесное… Помнят ли «технологи» о том, что русский бизнес несет на себе наследственный отпечаток православной этики, в системе которой «сребролюбие есть зло»?

Скорее всего, мы не получим ответы на эти вопросы. Они звучат риторически, даже наивно. На чей-то взгляд – неприлично. Но ведь духовный облик идеологов и технологов реформ, их представления о нравственности, их интеллектуальный, культурный, профессиональный багаж – вовсе не их частное дело. Их некомпетентность и безнравственность может дорого обойтись всем нам. Чем обусловлен, например, выбор ваучерной схемы приватизации – некомпетентностью? Возможно, это профессиональная ошибка. А возможно, никакой ошибки нет – идеологи и исполнители достигли тех целей, которые перед собой ставили. Однако эти цели не имеют ничего общего с установлением более идеального порядка, отменой вопиющей несправедливости, уничтожением нестерпимого беспорядка, то есть, с целями реформы бытия, направленной на его обогащение новыми благами. В таком случае, ваучеризация – это нравственный просчет, а вся проведенная по этой схеме приватизация от начала до конца безнравственна.

Значит, неудача реформ последнего десятилетия в России во многом объясняется их бездуховностью. Нельзя допу-

стить, чтобы неудачей окончилась и земельная реформа. Поэтому при ее проведении нужно учитывать внеэкономические факторы и принимать во внимание внерыночные критерии справедливости. Хотя «внеэкономичность» и «внерыночность» этих факторов оказываются весьма относительными. Наоборот, критерии справедливости и нравственности оборачиваются в российских условиях критериями экономической эффективности. В условиях рискованного земледелия нетрудно разорить оставшиеся хозяйства, скупить земли, сконцентрировать их в руках новых латифундистов. Лучшие участки будут использоваться для сельскохозяйственного производства. На остальных – а это преобладающая часть российских земель – выгодность инвестиций будет низкой в сравнении с Европой. Без льгот, без гарантий со стороны государства ведение рыночного хозяйства на такой земле не имеет экономического смысла. Без участия и без гарантий государства никакой рынок у нас невозможен.

Государство всегда отвечало за экономическую сторону жизни народа, говоря жестче, в его обязанности всегда входило дать своим подданным хотя бы кусок хлеба, обеспечить их простое выживание. С другой стороны, государство всегда могло потребовать от народа столько труда и крови, сколько нужно было для войны, строительства или подвигов во славу власти. Эта российская особенность определяет общинный, общественный, общегосударственный характер использования ресурсов страны. Север, далекие окраин-

ные земли – хранилище главных национальных богатств – приобретались всем миром (хотя и в лице отдельных богатырей) и держались всем миром (хотя и в лице наместников с их отрядами). Россия разрослась до гигантских размеров потому, что никто из пионеров не столбил участков лично для себя, не оседал на золотоносных ручьях, не собирал себе сокровищ. Нет, закрепляли земли за царем, за державой и шли дальше.

В Америке материальное благополучие человека начиналось с кола, вбитого на своем участке, где собирались земные сокровища. Не для государства, для себя по праву собственности – неотъемлемому праву свободной личности. Ее отношения с государством регулируются гражданским кодексом, законом, короче – контрактом. Вот здесь и кроется громадное различие в психологии и менталитете между Западом и Россией. Юридический дух немыслим в наших отношениях с государством, оно «по умолчанию» вправе потребовать от подданных столько труда и крови, сколько сочтет нужным.

Все российские реформы – это, увы, реформы сверху! Инициированные государством, они идут за счет выстраданной народом жажды перемен, за счет энергии порыва к лучшей жизни («так жить нельзя!»). Но каждый раз огромный потенциал на две трети, а то и на три четверти растрачивается напрасно. Выигрывают от непродолжительного, зато бурного реформаторства обычно какие-нибудь олигархи… И снова спячка, по сути, накопление энергии для следующе-

го рывка, для следующих радикальных реформ. В России все реформы – радикальные, других не бывает, а такие реформы может проводить только государство. Понятно, что его собственная роль и могущество не должны в результате реформ уменьшаться, это было бы нелепо, противоестественно.

Но это как раз и произошло! Наша могучая держава после почти двух десятилетий преобразований превратилась во второразрядную развивающуюся страну. И нынешняя второразрядность усугубляет неблагоприятные тенденции и подрывает стратегическую перспективу, поскольку доказано, что уровень жизни в России прямо зависит от мощи государства (хотя радикалы и утверждали обратное, виня его в ограблении населения.) Раздарив территории олигархическим кланам, распродав сельскохозяйственные угодья новоявленным земельным магнатам, российское государство не станет сильнее. Наоборот – еще слабее. Более того, оно перестанет быть самим собой. Можно ли вообразить себе раздробленную на удельные княжества Россию с народом, озабоченным маленьким личным счастьем? Пусть эти княжества будут благополучней Швейцарии, неважно. У страны, покрывающей безмерные пространства, иная судьба, иной путь. Маленьких счастливых княжеств на месте России не будет. Этот вариант не осуществится.

Реформы должны не ослаблять, а усиливать государство. А для этого им надобно стать реформами «по совести», проникнуться духом вечных идеалов справедливости и добра.

Она должны явиться не реформами хозяйственных отношений, а реформами жизни, повышающими уровень народного бытия, обогащающими его новыми благами. Реформами, возвращающими народу украденное достоинство. **Без достоинства мы вряд ли сможем поднять Россию, сделать ее страной с привлекательным настоящим, а не только со славным прошлым и счастливым будущим.**

Реформы в потёмках

Но что такое эти новые блага? Чем следует обогатить уровень народного бытия? Какие реформы возвратят народу достоинство? Бог весть… Потому что на самом деле мы этого не знаем.

Нам ведь искренне думалось: вот приедет рынок, рынок нас рассудит. Мы ведь простодушно полагали его целью, а он оказался лишь средством, может быть, и лекарственным, однако отягощенным мощным шлейфом побочных эффектов.

Нам мыслилось – только дайте свободу, и уж мы…

А вырванная у номенклатуры воля обернулась вольницей, вседозволенностью, простором для грабежа и разора. Представлялось, что кровожаднее, поганее советского квазисоциализма ничего нет, а теперь понятно – российский капитализм еще более мерзок.

Так чего же мы хотим, кляня бандитский рынок – возврата к социализму, при том, что был он никакой не «квази», а самый, что ни на есть, настоящий? Хотим жить в великом и могучем Советском Союзе, состоять в КПСС, покорно поднимать руки на партсобраниях и строить светлое будущее, которое никто из нас не увидит?.. Или, может, мы хотим так называемого простого человеческого покоя и довольства, так называемого нормального человеческого житья? Но полноте, товарищи-господа! Не надо себя обма-

нывать: маленьких счастливых княжеств на месте России не будет… У страны, покрывающей безмерные пространства, иная судьба, иной путь. Мы исполнены духом мессианства, мы чувствует себя обязанными спасти человечество или, хотя бы, погрязшую в материализме и бездуховности Европу… не умея спасти самих себя, не ведая, какую жизнь построить в своей собственной стране, какие реформы повысят уровень народного бытия и обогатят его новыми благами. Да и что будет для нас благом? Достигнем ли мы его в результате правильно проведенной земельной реформы или, наоборот, придем к нему, отказавшись от попыток так или иначе решить извечный больной российский вопрос? Иными словами, актуальна для страны земельная реформа или нет?.. Ответ прост. Удручающе прост. Это все тот же ответ: не знаем.

Значит, российские реформы неудачны не только потому, что безнравственны. Значит, называя главной причиной ошибок аморальность, бездуховность, мы не можем утверждать это с полной уверенностью, ибо не располагаем никакими объективными данными, позволяющими оценить степень важности причин и расставить их по «рейтингу отрицательного влияния». Сколь серьезно, скажем, повлияла на провалы некомпетентность идеологов и разработчиков (не злонамеренность, а именно непрофессионализм)? Сыграла ли она более негативную роль, чем иждивенческие настроения большей части населения, привыкшего к тоталь-

ной опеке государства? Действительно ли сопротивление со стороны партийно-советской номенклатуры оказалось более серьезным тормозом, чем помехи со стороны Запада, отнюдь не заинтересованного в подлинном успехе наших преобразований? А в том, что помехи были, сомневаться не приходится.

Комиссия по экономической реформе времен Горбачева-Рыжкова, в которую вошли лучшие советские специалисты, предлагала самые разные варианты перехода к рынку (видимо, потому, что единственно верный был «корифеям» неведом), сам Рыжков много раз ездил в Швецию, присматривался к тамошней модели «справедливой экономики», но так и не решился сдвинуться с места (видимо, потому, что, говоря без обиняков, не знал, чего хотел). Не имели выверенного плана преобразований и «ельцинские завлабы», однако решительности и амбиций им было не занимать: выбросив на свалку все наработки Комиссии, она рванули с места в карьер, подчиняясь сладким голосам из-за бугра. Модель ваучерной приватизации была принята «младореформаторами» не без настойчивых подсказок с Запада, хотя там сей вариант всегда рассматривался как чисто теоретический. Россия отважно применила его на практике, в очередной раз поставив убийственный эксперимент на себе.

Роль Запада в неудаче российских реформ, что и говорить, велика. Но насколько?.. Насколько зависит судьба России от внешних и даже планетарных факторов? От внутрен-

них? От исторических обстоятельств и повседневных обстоятельств жизни, существовавших на протяжении веков и существующих поныне? От родовых свойств российского социума – и позитивных и, особенно, негативных? От особенностей национального ума и характера – тех, например, что проявляются в экстремальных ситуациях, когда, простой деревенский парень жертвует жизнью в Чечне, прикрывая товарищей, и тех, что превращают в каторгу нашу обыденность?.. (Не исключено, кстати, что некоторые генетические черты окажутся весьма неприятными и уязвят национальное самолюбие – допустим, обнаружится, что пьянство не этакий извинительный недостаток, а мощный тормоз социальной эволюции.) Не выяснив этого, не поняв истинных причин конфликтов и ошибок, мы так и будем брести в потемках, спотыкаясь об обломки несостоявшихся реформ.

На незнание своей страны… а в нем можно упрекнуть не только безликих «технологов», сочиняющих лихие проекты на госдачах, но и, в какой-то мере, каждого из нас – ведь точным знание не владеет никто… накладывается непонимание стоящих перед страной проблем. Подлинных, жгучих, а не тех, что кажутся привлекательными власти и обслуживающим ее «командам». Неэффективность экономики – это, кто спорит, проблема. Решить ее попытались с помощью радикальной либерализации… при фактически нулевом уровне правосознания, в отсутствии законов, сдерживающих аппетиты рыночных хищников, без естественных

тормозов в виде деловой порядочности. В результате либерализация, как уже говорилось, обернулась повальным воровством на всех этажах, во всех слоях общества. Воровали министры, генералы, олигархи, чиновники, лавочники и обыкновенные граждане, до того полагавшие себя честными и законопослушными членами общества. Эффективности экономике это отнюдь не прибавило. Ее теневой сектор распух до чудовищных размеров. Плата за непонимание истинных проблем страны оказалась чудовищной. Главная проблема была выбрана неверно. Настоящая беда – в рабском сознании и рабских мироотношениях, заменяющих как жизнь по закону, так и жизнь по совести, а вовсе не в низкой эффективности производства и торговли – это только следствие.

Часто непонимание выступает в красивой «духоподъемной» упаковке. Вот добрый патриотический миф о неисчислимости природных богатств в российских недрах. Но правдивые цифры говорят, что по разведанным и потенциальным запасам полезных ископаемых Россия занимает лишь четвертое место в мире, а по запасам в расчете на душу населения – даже восьмое. Что должна делать в такой ситуации сырьевая страна? Всячески укреплять и развивать геологию, которая, слава Богу, не до конца развалена и до сих пор – честь ей и хвала! – входит в лидирующую мировую тройку. Геология – дело чрезвычайно дорогостоящее, но тратиться не нее придется, другого пути нет. Поэтому государство, за-

ботясь о собственном сохранении и выживании подданных, просто обязано заставить те же нефтяные корпорации, жиреющие на опустошении разведанных и обустроенных государством месторождений, отстегивать деньги на геологию. Одновременно государство должно шаг за шагом, зарабатывая на разумном экспорте нефти и нефтепродуктов, развивать высокие технологии и наукоемкие производства, поддерживать наукограды – потенциальные точки роста качественно иной экономики. Что мы видим вместо этого? Издевательский рост внутренних цен на бензин и новую высокую волну оттока за рубеж нефтедолларов.

Подобное возможно лишь в псевдогосударстве, при псевдодемократиии, обслуживаемой псевдопарламентом, в условиях псевдосвободы, в том числе псевдосободы слова, и псевдорынка. За годы реформ в потемках Россия превратилась в уродливую карикатуру, пародию на Запад. И подумать было нельзя, что страна и народ настолько артистичны. Даже те, кто, казалось бы, просто тупо выживают, все-таки участвуют в спектакле, который Россия разыгрывает перед собой и перед всем миром.

Ярким актером был один из ельцинских премьеров Черномырдин. Он же иногда выступал в роли «театрального критика!». Самая знаменитая его рецензия укладывается в формулу «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему же вновь вышло плохо? Потому, что делали не так? Да, потому что, как всегда, воровали и прочее. Но не только.

Главное – делали не то, потому что не того хотели. Ставили перед правительством не настоящие цели, а псевдоцели, потому что второстепенные, третьестепенные, а то и совершенно ложные проблемы принимали за актуальные проблемы страны.

Такой абсолютно ложной проблемой и, следовательно, ложной целью было, например, уничтожение сложившейся системы управления страной под лозунгом «департизации» и «десоветизации» – это означало обрыв связей, а обрыв связей приводит к обеднению бытия, его примитивизации, тогда как подлинные реформы призваны обогащать его новыми благами.

Правильно поставленные цели всегда согласованы с потоком реальности. И их, что чрезвычайно важно, не может быть много. Наоборот, их должно быть немного. Поток реальности, как показывают исследования постсовременной, или интегральной науки, на две трети не зависит – причем, абсолютно, категорически! – от деятельности человечества: от идеологических доктрин, организации экономики, личностных качеств президентов даже великих держав, составов кабинетов министров и всего того, что кажется нам ужасно важным, но на самом деле ничтожно в сравнении с мощью космических сил. Влиять можно лишь на треть этого потока, и то при условии, что не идешь поперек течения жизни. Поэтому коридор, в котором разворачиваются реформы, достаточно узок. Поэтому вероятность ошибок, вызванных незна-

нием и непониманием, гораздо выше, чем может показаться. Поэтому, начиная любые преобразования в России, необходимо выяснить очень многое.

Во-первых, необходимо получить точные базовые данные по стране. К ним относятся, например, показатели численности населения, его возрастного и национального состава, его здоровья, числа алкоголиков и наркоманов; экономические показатели – уровни благополучия, бедности, средний уровень, долларовый эквивалент денежной массы на руках у населения, размер утечки капитала в целом и по годам; социально-экономические параметры – уровень коррупции, уровень преступности, уровень криминализации власти, число криминальных организаций; социально-политические характеристики – число сторонников открытого общества, коммунизма, монархии, идеи особого пути России и многие-многие другие.

Во-вторых, не обойтись без гораздо более тонкой, но столь же достоверной информации о качестве жизни, природе и характере негативных факторов, действовавших в истории России, о доле и соотношении внутренних, внешних и планетарных факторов, влиявших на ее судьбу, и многих других, на первых взгляд, неочевидных, но, тем не менее, вполне ощутимых, конкретных вещах. Причем, эту информацию тоже следует представить в точных цифрах.

В третьих, надо изучит, проанализировать и обобщить разнообразные модели предполагаемой реформы – скажем,

той же земельной, реформы жилищно-коммунальной сферы или избирательной системы. Общие точки, точки пересечения моделей, скорее всего, укажут на действительно насущные задачи, на ту область, где реформы могут привести к успеху, иными словами, на то, чего и в самом деле стоит хотеть.

В четвертых, придется заняться вещами и обстоятельствами, которые мы, возможно, и не хотим, однако попросту обязаны учесть. О них обычно не имеют никакого представления «политтехнологи» и их заказчики во власти, но тем хуже для них… вернее, для всех нас, для страны.

В одном из интервью лидер компартии Зюганов назвал события конца XX века в России удивительными, почти мистическими: страну вдруг, ни с того, ни с сего охватил «либеральный пожар», принесший неисчислимые бедствия народу. Между тем, никакой мистики тут нет и в помине. Дело в объективных природных ритмах: одни циклы закончились или заканчиваются, другие начались или начинаются, только и всего. Смену эпох можно было предвидеть, к ней можно было подготовиться, постараться смягчить удар… У нас он был не смягчен, а усилен – по незнанию, метафизической непросвещенности и придворному академическому высокомерию.

Итак, составляя реалистичную программу реальных реформ, придется начинать с самого «верха», с плана идей – с миссии России. Она несомненно существует, но в чем она

состоит? На сей счет есть разные догадки. Даниил Андреев, например, полагал, что планетарной задачей России является создание интеркультуры, объединение всех ныне существующих на земном шаре культур. На это намекает география – недаром же Россия заполняет «полое пространство» между ними. Ради исполнения этой миссии и приобретались земли за Уралом и Югрой, на Енисее, Лене, Амуре. Громадные пространственные резервы Сибири, Севера, дальнего Востока были стратегическим резервом на будущее.

Но география – это не только геополитическое положение страны, это еще и ландшафт, а с ним, по мысли создателя теории этногенеза Льва Гумилева, неразрывно связан способ жизни этноса, его родовые черты. Мы, россияне, как определил Владимир Ключевский, народ лесной, речной, равнинный, и оттого у нас свой тип социальной эволюции, иной, нежели у горных, морских, степных народов.

У каждого народа свои родовые черты. Наши – соборность сознания, общинность, коллективизм. Нам свойственны государственность на грани державности, а то и имперскости. Мы социоцентричны. Даже по одной этой причине Россия не может слепо перенимать модели, приспособленные к психологии, менталитету и потребностям личностно ориентированных народов и обществ. В том числе – схемы перехода к либеральной, инициативной экономике. План Маршалла был хорош для Германии. Но «что немцу хорошо, то русскому смерть».

Все эти изыскания позволят понять, в каком обществе мы хотим жить, какие черты оно будет иметь помимо, сверх или даже вопреки нашим желаниям и сформулировать социальный заказ на его построение, то есть, говоря привычным языком, выработать программу принципиально осуществимых реформ.

Что и говорить, задача чрезвычайно сложная, но она и не может быть простой, «раз-два взяли» здесь не получится. И эту чрезвычайно трудоемкую задачу вряд ли удастся решить на энтузиазме. Она по силам только лучшим умам страны, собранным для мозговой атаки и вооруженным эффективными исследовательскими технологиями нового поколения, позволяющими выражать количественно, в цифрах чисто качественные характеристики.

Информационные технологии, измеряющие качественные характеристики процессов и явлений в относительных числах или процентах, существуют. Они умеет то, чего не умели раньше: измерять количество качества. Благодаря этому удается сравнить, казалось бы, несравнимые вещи. Ну, например… уровни оптимизма и пессимизма в разных странах,

Мало того, что это, согласитесь, чрезвычайно любопытно, это, просто-напросто, информация огромной государственной важности. Ведь эти уровни характеризуют социально-психологические ресурсы государства. Есть в народе оптимизм – воплощаются предначертания, выполняются

планы, строятся города, цветут сады, враги получают достойный отпор, растет рождаемость и падает смертность.

Возьмем, например Индию. Исследования показали, что ее народу одновременно свойствен огромный оптимизм (91 процент) и немалый пессимизм (46 процентов). В европейском представлении это невозможно или, по крайней мере, нелогично и странно. Но, видимо, оценивать индийскую цивилизацию нужно не по рациональным европейским стандартам, а по ее собственным меркам, поскольку мировосприятие и мироощущение зависят от особенностей национальной психологии, национального характера, менталитета и исторической памяти народа.

Вполне благополучные Италия и Германия характеризуются высоким уровнем пессимизма, зато менее благополучная Греция куда более оптимистична. Цифры по Великобритании, Бельгии, Дании, Нидерландам, Франции, Швейцарии, США, Испании еще раз подтверждают репутацию этих стран как процветающих. Лидирует здесь Австралия с идеальными показателями: оптимизм – на максимальной отметке, пессимизм – на минимальной.

Ну а Россия? Повода для массового оптимизма у нас вроде бы и нет, но неужели мы стали страной повального пессимизма?.. Какие настроения более характерны для России – жизнеутверждающие или пораженческие? Давайте посмотрим. Показатель пессимизма в России равен 37 процентам, оптимизма – 66 процентам. (Принципиально важно, что ис-

следование показывает не число оптимистов и пессимистов на сотню жителей, а уровень качеств. Поэтому сумма может быть и больше, и меньше 100 процентов.)

Что значат эти числа? То, что российские параметры близки к критическим. Если уровень оптимизма в какой-то стране не ниже 93 процентов, то есть вписывается в так называемое «созидательное поле», то настрой населения можно считать важнейшим ресурсом развития страны. «Негативное поле» занимает диапазон от 85 до 61 процента. Если показатель оптимизма попадает сюда, все идет не так, как хочется, как планируется. В этих странах трудно жить и работать – как в России. Что же касается пессимизма, то при его уровне выше 38 процентов нация фактически парализована. С национальным пессимизмом меньше 37 процентов можно както действовать. Как и действуют у нас в России…

Мы буквально балансируем на грани: еще немного, и оптимизм опустится ниже критической черты; еще немного, и пессимизм превысит допустимую отметку. Чтобы этого не произошло, России как воздух нужны успешные, удачные реформы, причем обязательно нравственные, «по совести» возвращающие народу достоинство. А чтобы они оказались именно такими, планировать и проводить их надо не «в потемках», а на свету, с открытыми глазами, не боясь правды о состоянии страны и ее месте в мире.

Говорить правду легко и приятно, полагал один из булгаковских героев. Отнюдь… Но нам в России знать правду

необходимо. И потому придется до лучших времен забыть об уязвленной гордости. Возможно, придется обидеть «цивилизованный мир» с его диктатом «общечеловеческих ценностей», в действительности же – ценностей так называемого «золотого миллиарда», к которому российские граждане не принадлежат и вряд ли будут принадлежать… Кто же скажет нам правду? Это могут сделать держатели новейших информационных технологий – независимые международные научные центры. Они уже предлагали России свои услуги, вернее, партнерство. Вот приглашение к переговорам, в которых зарубежные ученые надеялись достичь «личного взаимопонимания с интеллектуалами влиятельных кругов, отличающимися широтой взгляда и вниманием к новациям, а также отсутствием конкурентного недоброжелательства». На их взгляд, целью переговоров было: изложение возможностей новейших открытий и технологий последних поколений; желание открыть допуск для России к исследованиям для некоторых международных организаций; возможное сотрудничество в исследованиях сложных проблем, актуальных для демократии в России…

Весьма заманчивое приглашение подкреплялось щедрым авансом. Несколько лет назад один из международных исследовательских центров провел инициативное исследование под кодовым названием «Базисные данные (базисные факты) по России».

Данные, полученные с помощью сверхновых технологий,

заметно отличались от данных официальной статистики. Согласно исследованиям интернационального коллектива независимых ученых, население России составляло 162, 4 миллиона человек при числе граждан 146,7 миллиона. Разница в 15,1 миллиона человек – без малого население Голландии – приходилась на вынужденных переселенцев, беженцев, иностранцев и многочисленных неучтенных статистикой и милицией жителей и гостей страны, которые, нигде не числясь, тем не менее, активно потребляли, имели на руках рубли и доллары и заметно влияли на социально-экономическую ситуацию. На уровне благополучия, который превышал тогда 510 долларов в месяц на человека, пребывало всего 3,5 процента населения, на среднем уровне (около 116 долларов) – 16,5 процента, остальные 80 процентов с 40 и ниже долларами на душу в месяц относились к бедным. Население прятало в чулках 61 миллиард наличных долларов. Криминальная миграция валюты с 1991 по 1998 годы вымыла из страны 293 миллиарда (эта цифра позднее подтверждена МВФ).

Еще одно исследование шесть лет тому назад преподнесло большой сюрприз самим исследователям: вычисляя истинные рейтинги претендентов на президентский пост в России, они столкнулись с «феноменом неизвестного лидера». Виртуальный кандидат, не имевший фамилии и фигуры, занимал вторую строчку в списке, опережая записных участников гонки – Явлинского, Лебедя, Лужкова и Зюганова. Неиз-

вестного лидера породили ожидания «молчаливого большинства», то есть тех 73 процентов населения России, которое разочаровалось в известных политиках и надеялось на появление новых людей. Эти ожидания были, очевидно, так сильны, что делали гипотетического претендента фигурой почти реальной. В конце концов она материализовалась. Неизвестный лидер обрел имя: Владимир Путин.

То, что поначалу показалось «сюрпризом», в действительности было точным прогнозом на будущее. Так что было бы верхом неблагоразумия не воспользоваться фантастическими возможностями, особенно когда нас прямо приглашают к сотрудничеству. Российская власть ими не воспользовалась. Ни официальные лица, ни «интеллектуалы влиятельных кругов» не ответили независимым исследователям ни слова, их предложений вообще не заметили. В России не нашлось лидеров, «отличающихся широтой взгляда, вниманием к новациям, а также отсутствием конкурентного недоброжелательства». Разве нам не нужна достоверная информация о состоянии страны? Фундаментальное исследование «Россия: проблема свобод и демократического сознания» осталось неоконченным.

С тех пор держатели технологий последних поколений не предлагают России сотрудничества. Некому, оказывается, предлагать. К тому же у них нет уверенности, что здесь всерьез воспримут результаты необычных исследований и станут выполнять рекомендации. Они испытывают

вполне обоснованные сомнения насчет постановки действительно актуальных задач, ибо, на беспристрастный взгляд из-за рубежа, уровень понимания проблем страны явно недостаточен даже в верхних эшелонах власти и катастрофически низок у большинства остальных ее представителей.

Так кто же скажет нам правду? Быть может, мы сделаем это сами, собрав в кулак интеллект нации и укрепив ее дух? Иначе нам никогда не выбраться из ямы, в которой мы сидим вот уже почти два десятилетия реформ и сотни лет своей истории. Горькие истины вряд ли сделают нас счастливыми. И все же жизнь с открытыми глазами – это, согласитесь, гораздо более осмысленная и плодотворная жизнь, нежели игра в жмурки.

2001—2004

Собирание умов

Пристанище на Дербеневской

С тех пор, как древний мудрец решил, что Земля стоит на трех слонах, человечество перепробовало много моделей реальности и языков ее описания. История знания являет собой смену «портретов» Вселенной, иначе, парадигм. Переход к новой парадигме всегда требовал огромного напряжения духа и мысли, всегда был гигантским прорывом. Такой прорыв совершается сегодня. Лучшего времени для него не придумаешь: на дворе – стык веков, тысячелетий и эпох. Бесстрашная мысль уходит в дальнюю разведку и возвращается со знанием, которое могут понять, оценить и сопоставить с уже известными идеями и фактами лишь несколько человек на планете. В их числе – Владимир Николаевич Лисин.

Его знаменитый семинар «Интеллектон», работающий нынче на Дербеневской набережной, известен всем философам, ученым и интеллектуалам Москвы. Еще бы! У семинара – редчайшая специальность: «синтез моделей мироздания с учетом феномена человека». У самого Лисина тоже редчайшая профессия. Владимир Николаевич уже 35 лет изучает философские, научные, религиозные и эзотерические

картины мира. Вернее, разбирает их «по косточкам», сопоставляет, ищет точки пересечения и строит обобщенную модель – «теорию всего». Стык веков, тысячелетий и эпох – лучшее для этого время. Мы стремимся к единому знанию, начинаем мыслить в другом стиле, сознавать себя частью мироздания, структурным элементом реальности, полагает Лисин. Наступила пора синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания, науки и эзотерики, философии и религии, создания целостной науке о мире, которая с единых позиций опишет развитие иерархичных многослойных систем, расшифрует строение материи. Универсальная парадигма должна быть не физической или философской, информационной или энергетической, а парадигмой единой науки, всеобъемлющего знания.

Греческим словом «парадигма» классик науковедения Томас Кун назвал некоторую общепринятую концепцию, систему убеждений, ценностей, исследовательских методов, разделяемых членами данного научного сообщества на определенном этапе истории. Но сегодня наука, будучи не в состоянии объяснить мир своими средствами, объединяется с религией, философией и эзотерикой. Создается не просто «теория всего», не просто система науки, а система жизни, система бытия.

Именно такую систему ищут на Дербеневской в небольшом зальчике с колченогими столами и драными стульями. Помещение на первом этаже престижного дома принадле-

жит Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, что, видимо, и спасает его от посягательств новых хозяев жизни, много раз пытавшихся прогнать интеллектуалов и сделать из запущенной норы еще один сверкающий магазин или офис. Нора содержится на средства отчасти Общества, отчасти самих семинаристов, бросающих в «общак» по тридцатке, а кто не может, и по двадцатке (ну, а совсем неимущих, понятно, прощают). Мебель и интерьеры никого не волнует. Выступить у Лисина почитают за честь. И выступают: творцы новых концепций и теорий, заслуженные профессора и доморощенные философы, «секретные» инженеры и изобретатели-«самоделкины», целители и врачи. Через Дербеневскую прошли многие из подлинных носителей интеллекта нации, ярчайших представителей русского ума. Здесь его пристанище. Здесь он дома. Здесь ему хорошо.

А хорошо ему не везде.

Интеллект – модернизация – развитие

Не слишком хорошо ему и в фешенебельном московском «Президент— отеле» – его аура благоприятствует бизнесу и политике, а не углубленным размышлениям, но именно здесь, на Якиманке, тоскливым осенним днем говорилось об интеллекте России. Он стал предметом внимания участников «круглого стола», организованного президиумом Российской Академии естественных наук. Русский ум, а не нефть или газ был назван главным богатством страны. И произнес эти слова не кто-то, а председатель Совета Федерации Сергей Миронов, третье лицо в государстве. И, к тому же, произнес в связи с национальной идеей, которую, как известно, никак не найдет Россия.

Из вступительной речи Миронова следовало, что такой идеей может стать утверждение власти разума в противовес власти денег, что общество созревает для перехода в новое качество – «общество знания», страна готовится к выдвижению в лидеры мировой экономики знаний, а посему инвестиции должно направлять не в добывающие отрасли, а в человеческий капитал. Новая – инновационная – экономика требует нового – духовного – человека. Над его воспитанием предстоит потрудиться российской интеллектуальной элите. Интеллектуалы, занятые в науке, литературе, искусстве, средствах массовой информации должны объединиться под

знаменем Национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России».

Ради презентации, лучше сказать, освящения Комитета, собственно, и собирался «круглый стол». А также ради представления сопредседателей – третьего номера во власти страны Сергея Миронова и президента РАЕН Олега Кузнецова, озвучившего слоган «Интеллект – модернизация – развитие» и разъяснившего, для чего России «модернизация» и куда должно быть направлено «развитие».

Преобразования, согласно Кузнецову (и тем силам, от имени и по поручению которых он выступал), необходимы для того, чтобы обеспечить движение страны к инновационному обществу, примером которого является американское, от сырьевого, типичным образцом которого служит современное российское. Мы можем, конечно, пойти и в сторону технологического общества (пример – Япония), что, вроде бы, легче, и даже аграрно-туристического (Италия), хотя для северной страны это трудно. Вопрос в том, чего мы хотим.

Почему это Россия не проживет без фундаментальной науки? – задал простой вопрос один из бывших вице-премьеров российского правительства ученым, утверждавшим, что, ну, никак не проживет. Живут же без нее и Германия, и Япония (общества технологического типа) и живут, как известно, неплохо… Так что простые вопросы в действительности самые неудобные.

Ответ тоже прост и тоже неудобен. Доходов от экспорта газа, нефти, металла, леса, минеральных удобрений хватит, чтобы обеспечить приличную жизнь 30—50 миллионам граждан страны, потому что, как ни печально, сырьевые богатства России вовсе не несметны. За счет чего могут достойно существовать остальные 100 миллионов человек? За счет транспортной ренты, как Египет или Панама? Исключено. За счет туризма, как Таиланд или Андорра? Смешно. Или, может быть, нам надо наводнить мир ширпотребом, как Китай? Но китайские товары заведомо дешевле, конкурентные преимущества на их стороне. Значит, остаются технологии. В высоких технологиях – будущее России. А их не создашь без науки, без знания.

Вывод: Россия объективно стоит перед необходимостью очередной модернизации. Это научно-технологическая модернизация. Ее движущей силой должен стать интеллект. Сейчас, по данным Олега Кузнецова, его доля в национальном богатстве оценивается в 5 процентов, ничтожных на фоне 83 процентов сырьевой составляющей. В инновационном обществе доля интеллекта на порядок выше. Поэтому от инновационной экономики, от общества знания нас сейчас отделяет пропасть. Но, как это ни парадоксально, еще большая пропасть разверзлась между сырьевым российским и технологическим обществом японского или немецкого типа. Расчеты показывают, что, вложив 10 триллионов рублей в развитие технологий, мы снова отстанем от мировых лидеров

на полвека. Стало быть, надо сосредоточиться не на технологиях как таковых, а на производстве знания, которое уже и создает технологии. Любые. В любом количестве. Для всего и для всего остального мира.

***

Из беседы (по горячим следам) с президентом РАЕН Олегом Кузнецовым и членом РАЕН, науковедом, философом Анатолием Ракитовым.

– Итак, способна ли Россия стать мировым лидером в производстве знаний?

. По своему интеллектуальному потенциалу, по качеству национального интеллекта – да. Может быть, и новую экономику, которую нам предстоит построить, следует назвать даже не инновационной, а экономикой знаний, и даже не собственно экономикой, а особой деятельностью по производству знаний… Но пока, как известно, страна находится в глубоком системном кризисе, во многом потому, что интеллект очень слабо используется. На отдельных направлениях у руля государственного корабля стоят двоечники. **О. Кузнецов**

. Это мягко сказано! Но будем соблюдать политкорректность и выражаться академически. Так вот, говоря академическим языком, некомпетентность когда-то была имплантирована в организационную структуру общества. И мы всегда за нее очень дорого платили – поражениями и гигант-

скими потерями в 1941 году, «лысенковщиной» и почти безнадежным отставанием в науках о жизни, отставанием в информационных технологиях… Примеров, впрочем, сколько угодно. Достойную жизнь нам может обеспечить лишь компетентное общество – общество знания. Однако понимания этой простой и очевидной мысли пока не наблюдается. **А. Ракитов**

– Значит, речь идет о приоритетной государственной задаче?

. Речь, по сути, о начале нового этапа в новейшей истории России – этапа созидания. Мы должны приступить к собиранию умов. Как возрождающееся, усиливающееся, находящееся на подъеме государство начинает собирать земли, так мы должны начать собирать умы. **О. К**

– Вы полагаете, вокруг Комитета сплотятся интеллектуалы, творческая интеллигенция? Сейчас эти люди разобщены, каждый выживает, как может в условиях жесткой конкуренции со стороны собратьев по науке, образованию, технике, культуре и искусству.

. Как раз это способствует сплочению интеллектуальной элиты. Она оказалась в странном положении. Многие из нас чувствуют себя иммигрантами внутри своей страны. Творческую интеллигенцию такая ситуация ни в коей мере не удовлетворяет. Она «голосует ногами». Но есть и другие способы. **О. К**

. То, что наука в России все-таки выжила, само по себе фе-

номенально. Промышленность выстояла потому, что ее продукция была кому-то нужна. А наука – только за счет людей, которые в нее вросли, никому больше она была не нужна. **А. Р**

. Наука выжила за счет самоорганизации. Так, люди, стоявшие у истоков Российской Академии естественных наук, понимали, что самоорганизоваться необходимо, потому что вскоре наука в России не понадобится никому, кроме самих ученых. **О. К**

Боюсь, еще немного, и им она тоже не понадобится. **А. Р.**

. Я хотел бы напомнить, что российская наука уже проходила через подобные испытания. Наш великий соотечественник Владимир Иванович Вернадский писал, что в истории государства бывают такие периоды, когда власть полностью теряет интерес к науке. Именно в эти периоды ученые должны создавать внутри страны научные сообщества с особым творческим, интеллектуальным климатом, образом жизни и деятельности, и продолжать работать на благо государства и его граждан. **О. К**

. Согласен. РАЕН является примером такого сообщества, прообразом компетентной структуры. Это обнадеживающий симптом. Чего? Стремления общества выработать механизмы самосохранения и развития. Отрадно, что уже есть организации, которые пытаются посеять на нашей почве инновационные зерна. **А Р.**

– «Спасение утопающих – дело рук самих утопаю-

щих». По этому бессмертному принципу создавалась РАЕН. По этому принципу создается и Комитет интеллектуальных ресурсов?

. Да, это акт самоспасения. **О. К**

Р. Бегство наших ученых за рубеж – тоже акт самоспасения. Они ведь тоже руководствовались этим вечным российским принципом. Многие уезжали просто затем, чтобы не деградировать. **А.**

. И теперь занимают лидирующие позиции в науке на трех континентах, а российский интеллект распространился по всему миру. **О. К**

И это замечательно. Поэтому не стоит с позиций квасного патриотизма выступать против отъезда ученых за рубеж. Надо спасать мозги на благо всего человечества. У интеллектуала должна быть свобода выбора. Поэтому, кстати, он всегда предпочтет участвовать в открытой организации. А открытость – одна из самых привлекательных черт РАЕН. **А. Р.**

. Академия имеет отделения за рубежом – в США, Германии, Южной Корее, Китае. Это серьезные отделения, потому что зарубежные ученые считают за честь состоять в РАЕН. **О. К**

Эта академия – феномен. Организация российских интеллектуалов вышла за пределы России и получила настоящее мировое признание. **А. Р.**

. В РАЕН состоят 23 нобелевских лауреата, живущих в США. Членами РАЕН были наши нобелевские лауреаты

академики Н. Г. Басов и А. М. Прохоров. Нас почтила своим участием плеяда блестящих отечественных ученых. Высокий интеллектуальный потенциал свойствен академии изначально: она создавалась как организация авторов научных открытий, зарегистрированных в ГосКомитете СССР по открытиям и изобретениям. **О. К**

С помощью общественной научной организации нужно было вырваться из мертвой зоны, в которую попала советская наука, преодолеть кастовое деление, которое в ней существовало. В РАЕН не делят ученых на «своих» и «чужих». С ней может сотрудничать любой мыслящий человек. Она открыта. **А. Р.**

. И – доброжелательна. Это тоже важно. Это серьезный организационный фактор. Не менее важны и особенности ее структуры. РАЕН была задумана как «матрица», «столбцы» которой – профессиональные отделения, а «строки» – отделения региональные. Этих последних – 50, в них решаются, как правило, комплексные проблемы. Есть еще специальные междисциплинарные отделения, например, геополитики и безопасности, проблем нефти, наук о лесе. Есть и секции, например, гуманитарных проблем – «Человек и творчество». В эту секцию избраны представители самых разных сфер культуры: поэты, художники, музыканты… В целом же РАЕН является одной из самых крупных сетевых организаций в России. **О. К**

– По видимому, структура Академии естественных

наук и послужит образцом структуры Комитета интеллектуальных ресурсов? Его тоже, наверно, имеет смысл создавать в виде «матрицы».

. Да, Комитет целесообразно сделать сетевой организацией. **О. К**

– А что, если он нацелит страну и общество на производство даже не знаний, а интеллекта, умов, светлых голов, талантов, которые уже и будут производить знания? В истории России есть образец «производства» такого рода. Царскосельский Лицей подготовил интеллектуальную элиту, которая блестяще проявила себя в различных областях творчества и служения Отечеству.

Все так. Но это задача многоступенчатая. Уже на первой ступени Комитет будет способствовать появлению молодых интеллектуалов, которые построят настоящее общество знания. **О. К.**

При условии, что это новое поколение будут учить совершенно по-новому – в элитных исследовательских университетах. **А. Р.**

– Насколько мне известно, в РАЕН уже есть один такой университет, и его ректором является Олег Леонидович Кузнецов.

Да, это Университет природы, общества и человека в подмосковном наукограде Дубна. Он работает уже семь лет и с каждым годом становится все интереснее. Теперь у нас

23 специальности, а начинали с восьми. Университет «Дубна» уже приближается к среднеевропейскому. **О. К.**

– Небольшой уютный вуз в зеленом элитном городке – этакий подмосковный геттинген…

. В «Дубне» действительно сохраняются лучшие традиции советской и германской образовательной школы, но это очень современный университет. Постепенно он превращается в исследовательский. Совместно со знаменитым Объединенным институтом ядерных исследований создана кафедра биофизики, создаются новые кафедры – теоретической физики и прикладной ядерной физики. На них уже набрали студентов – штучно. Открыта кафедра геофизики, которая уже ведет серьезные исследовательские работы. **О. К**

– Чем – с точки зрения подготовки интеллектуальной элиты – исследовательский университет предпочтительнее обычного, того же МГУ с его традициями и школой?

Студент исследовательского университета с третьего курса участвует в настоящей, а не учебной научной работе и выходит из стен вуза не «молодым специалистом», а профессиональным исследователем. Такой университет выпускает научные кадры. Наверное, создание таких вузов – единственный путь подготовки компетентных специалистов. Надо сосредоточиться на поддержке исследовательских университетов, а не распылять средства по всем 640 государственным вузам страны. Когда раздают всем сестрам по серьгам,

на среднее вузовское фундаментальное исследование приходится 30 тысяч рублей в год. Что можно исследовать на такие деньги? **А. Р.**

– Значит, надо менять систему финансирования науки и образования, а это уже прерогатива власти.

. И ее первостепенная забота. Растить и поддерживать интеллект нации – одна из важнейших задач государства. **О. К**

. В России следует говорить не просто о поддержке, а о стопроцентном участии государства в этом деле. **А. Р**

. У нас без государства просто ничего не получится, ученые будут барахтаться, но… **О. К**

– Но пример РАЕН показывает, что в России может эффективно работать и общественная сетевая структура.

. Она могла бы работать в сто раз эффективнее, если бы власть уделяла ей то внимание, которого она заслуживает. **О. К**

. Поэтому идеей Комитета нужно обязательно заинтересовать правительство. **А. Р**

– Вы в один голос говорите: без власти никуда…

Такая уж у нас страна, такой менталитет… **О. К.**

– …и такая власть. Мы ведь про нее все знаем. И не питаем по поводу ее заинтересованности никаких иллюзий. Да, в России без государства ничего не делается, но при такой организации государственной власти сделать ничего нельзя. Так как же быть?

Может, все-таки построить Комитет так, чтобы он как можно меньше зависел от государства?

Мы постараемся сделать его инструментом гражданского общества, работающим в определенном контакте с представителями законодательной, а может быть, и исполнительной власти. **О. К.**

. Надо сотрудничать со всеми ветвями и со всеми представителями власти. Кто понимает, помогает или хотя бы не мешает – тот и друг. **А. Р**

***

Из беседы (по горячим следам) с академиком Российской академии наук Самвелом Григоряном

– Сегодня только ленивый не призывает сделать из России сырьевой Россию наукоемкую, но как решить эту насущную задачу, толком не знает никто.

– Комитет мог бы поставить перед собой задачу вовлечь в формирование инновационной среды, инновационной системы бизнес и государство. Под нравственной «крышей» Комитета происходило бы привлечение денег в науку, накачка средств в инновационные механизмы. А как это сделать? Давайте обратимся к нашему собственному историческому опыту. В России сто лет тому назад был придуман такой механизм. Я говорю об Обществе содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Христофо-

ра Семеновича Леденцова, больше известном как Леденцовское общество. Оно действовало в Москве с 1909 по 1918 годы. Отлаженная лучшими умами России структура обеспечивала, говоря нынешним языком, быстрое внедрение разработок в производство и реальную помощь исследователям и изобретателям. Под флагом Общества собрался цвет российской науки. И это не могло не привести к удивительным результатам.

– Науковеды считают Леденцовское общество самой эффективной инновационной структурой XX века. Ее отличала интеллектуальная мощь, крепкий финансовый фундамент, полная юридическая самостоятельность и свобода хозяйственной деятельности. И появилось Общество задолго до западных «бизнес-ангелов» и венчурных фондов, до знаменитой американской Силиконовой долины.

– Это национальное достояние, национальная гордость России! И к тому же – готовый инновационный механизм!.. Я дважды писал Президенту РФ Владимиру Владимировичу Путину о необходимости возродить Леденцовское общество. Но мне даже не ответили. Писал я и президенту Союза промышленников и предпринимателей Аркадию Ивановичу Вольскому. И тоже не получил ответа.

– И все-таки попытка возрождения предпринята. Но не властью или бизнесом. Это сделали энтузиасты. 9 апреля 2002 года правнучкой Христофора Се-

меновича Ниной Дмитриевной Луковцевой и ее единомышленниками зарегистрирован Фонд содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Леденцова.

– Это замечательно. И?..

– да. **И – ничего. У Фонда нет ни рубля. Есть устав, основанный на леденцовских принципах – демократизме, научном свободомыслии, заботе о государственной пользе, нормальном предпринимательском прагматизме при безусловном предпочтении нравственной экономики, сочетании денежных дел и дел души. Есть идеалы и традиции. Есть – потенциально – около 200 миллионов долларов, хранящихся в страховой компании «Эквитабль», Нью-Йорк. Это деньги российской науки, в том числе, Московского государственного университета и Технического университета имени Баумана – правопреемников учредителей Леденцовского общества. Вернуть их энтузиастам не под силу. Нужна серьезная профессиональная работа. Кто ей займется? Ректоры МГУ и Бауманского университета Садовничий и Федоров не заметили обращений Фон Вам не ответили власть и бизнес, правнучке Леденцова – наука и образование.**

–Вот для решения подобных проблем, думаю, и создается Национальный комитет «Интеллектуальные ресурсы России». Его задача – с помощью интеллекта вернуть Россию

в число перворазрядных государств. Так, по крайней мере, заявили в «Президент-отеле» сопредседатели Комитета. Это, разумеется, цель не только Комитета, но для него это смысл и содержание повседневной работы. Чтобы она была успешной, потребуются поддержка власти и деньги бизнеса.

– Многие обратили внимание на то, что среди активистов Комитета нет представителей серьезного бизнеса.

– Боюсь, на формирование инновационной среды наш бизнес в ближайшее время денег не даст. Потому что у нас он, скажем так, неправильный. А вот умный, национально ориентированный бизнес должен отреагировать немедленно. Надеюсь, в России все-таки уже есть такие предприниматели. Они сумеют воспользоваться историческим наследием, национальным достоянием, которым является Леденцовское общество. Участие в его делах резко поднимет статус бизнеса и сделает имидж бизнесмена гораздо более привлекательным. Когда вы вкладываете деньги в нравственный проект, в нравственную экономику, это совсем другое дело, нежели покупка футбольного клуба за границей. В высшей степени нравственно в свое время поступил российский промышленник и предприниматель Леденцов, пожертвовавший весь свой огромный капитал на создание Общества, как он писал, «друзейчеловечества» и фактически положивший начало всей научной инфраструктуры СССР, а теперь и России.

– Первый взнос – 100 тысяч рублей золотом – он

сделал инкогнито в кассу Московского университета. А сегодня его ректор не считает нужным хотя бы ответить правнучке дарителя!

–Университетская, научная среда возбудится, если придет в возбужденное состояние пока что нейтральный атом власти.

– И что же, по-вашему, может его возбудить?

– Его может возбудить общественное мнение.

– Вы думаете, власть прислушается к общественному мнению? Это совершенно не в российских традициях.

–Надеюсь, власть его услышит. Усвоит примеры. Осмыслит аналогии. Примет доказательства. Я математик, а в математике не уговаривают друг друга, а доказывают. Дважды два всегда четыре, независимо от вашего отношения к двум двойкам. Как бы вы ни относились к опыту Китая, он доказывает, что идея превратить страну в инновационную может быть принята властью и может реализовываться как приоритетная. В Китае для этого была составлена партийная, государственная, общенациональная программа – очень, по сути, простая. Ее можно выразить известной формулой «Учиться, учиться и учиться». Тысячи и тысячи китайских студентов поехали учиться за границу. Во всех приличных советских вузах было полным-полно китайцев.

– Сейчас они едут за знаниями в лучшие европейские и американские вузы. Российские в Китае уже

не котируются.

– Да, они взяли у нас все, что могли, а мы щедро поделились своим интеллектуальным багажом. В Китай из СССР, из других стран социалистического лагеря приехали специалисты во всех областях человеческих знаний и умений. Я был в их числе. За три месяца я прочитал годовой специальный курс по сверхзвуковой аэродинамике. Тогда ведь начала создаваться сверхзвуковая авиация. Китай хотел ее иметь. Поэтому меня слушали не студенты, а молодые инженеры, только что окончившие авиационные вузы. Со всей страны собрали в Пекинский университет 80 человек, посадили за парту…

Через много лет на одной из конференций в Пекине ко мне подошел один из моих давних слушателей. Он стал генералом, профессором. Четвероиз тех «школяров» превратились в профессоров-генералов, видных руководителей оборонной отрасли. Многие другие – в «просто профессоров». И так было во всех сферах человеческой деятельности.

Китай показал, как можно развивать инновационную экономику на государственном уровне, как привлечь капитал – сегодня деньги только втекают в страну, о вытекании, как в России, и речи нет. Вот так и строилась держава, которая недавно запустила человека в Космос.

– Говорят, «Волшебная лодка» – первый китайский космический корабль – слизана со старого советского образца, забывая, что он выводит на орбиту полезно-

го груза в несколько раз больше, чем советский прототип. Там, где не было ничего – ни научных школ и традиций, ни конструкторского задела, ни промышленного потенциала, – китайцам хватило сорока лет, чтобы копия оказалась лучше оригинала.

– Значит, за сорок лет можно создать научные школы, построить заводы, подготовить кадры. За сорок лет можно сделать «из России сырьевой Россию наукоемкую». Но войти в число перворазрядных стран можно и за гораздо меньший срок – если мобилизовать национальный интеллект и придать ему в помощь капитал и властный ресурс.

Вспомните, за какой срок были восстановлены индустриальная мощь и экономика СССР после войны с фашисткой Германией, когда разрушения были несопоставимо значительней, чем после недавней бескровной революции под названием «перестройка». Наш народ способен на великие свершения, но для этого нужна цель – настоящая, общенациональная, нужно то, что называется национальной идеологией, вместо которой в нашей стране насаждается грубая и бессмысленная жажда наживы.

***

Из беседы (по горячим следам) с президентом ассоциации «Российский дом международного научно-технического сотрудничества», бывшим министром науки Российской Фе-

дерации Борисом Салтыковым

– Вы называете себя «частным лицом», но остаетесь ведущим экспертом в той сфере, которую последовательно реформировали с декабря 1991 по август 1996 года. Кому, как не вам, знать, даст ли российский бизнес денег на экономику знаний?

– Венчурный фонд «Русские технологии» с капиталом в 20 миллионов долларов, созданный «Альфа-группой», был готов это сделать. Но не сумел. За полгода здесь просмотрели около 500 инновационных проектов и не отобрали ни одного.

– Среди полутысячи проектов не нашлось достойного? Разве в России мало замечательных идей? Разве они не реализуются только оттого, что нет денег?.. А тут, получается, деньги есть, нет проектов.

– Нет проектов, подходящих для венчурного финансирования. При такой схеме инвестор становится совладельцем предприятия, выращивает его, снимает сливки с новой фирмы, а потом продает свою долю и уходит. Оказалось, в России использовать эту схему пока невозможно. Во-первых, до конца не ясна ситуация с интеллектуальной собственностью, непонятно, кому принадлежит авторство – то ли разработчику, то ли фирме, то ли государству. Во-вторых, фирма, предлагающая проект, как правило, непрозрачна, не совсем понятно, кто ее акционеры, кто ей реально управляет, кто ее «крышует». В-третьих, часто нет бизнес-плана,

поэтому велики риски, что продукция не будет востребована рынком. В-четвертых, авторы-изобретатели категорически требуют себе 51 процент пакета. Это против всяких правил, обычно треть идет владельцам патента, треть – менеджменту, треть – инвестору. На Западе инвестор соглашается и на 20 процентов, в России, ввиду огромных рисков, именно он хочет иметь 51 процент. Но этого же хочет и наш изобретатель. Говоришь ему: да, ты Кулибин и Ползунов в одном лице, но ты же ничего не понимаешь в рынке, ты же разоришься. А он твердит – «обманут, я должен подстраховаться». И переговоры заходят в тупик.

Идеи упрямых изобретателей интересны, но находятся не на той стадии проработки, чтобы вкладывать венчурные деньги. Идеи финансируются по другой схеме. На Западе есть так называемые «бизнес-ангелы», которые дают автору 30—40 тысяч долларов на доводку. Существуют и специальные государственные структуры, тот же Национальный научный фонд США, например, которые выделяют один-два процента своего бюджета на поддержку перспективных идей. После конкурса на ранней стадии прототипов, очень, кстати, жесткого, Фонд дает автору 50 тысяч долларов и говорит «работай!» Если через год у тебя что-то выйдет, рассмотрим возможность дальнейшей помощи. На второй стадии дают, если не ошибаюсь, 100 тысяч. Если идея превращается в проект, его финансирует венчурный капиталист или стратегический инвестор. А если не превращается… Что ж.

Но бюджетные деньги изобретатель не возвращает. Конечно, он за них отчитывается. Контроль строгий: план, смета. Зарегистрируй фирму, работай официально, брось прежние занятия, сосредоточься на деле.

– И в чем же тут выгода государства? Или американцы могут себе позволить потерять эти деньги?

– Даже при неудачном раскладе один из 10 проектов, условно говоря, все-таки доходит до рыночной стадии и не только окупается, но и дает прибыль, которая перекрывает все издержки. Бюджет свое вернет. Уже есть десятилетние оценки функционирования этой программы в Штатах. Окупаемость хорошая!

– Эта система, по-видимому, подошла бы и России.

– Конечно. Ее надо довести до сознания тех, кто определяет инновационную политику.

– Наверно, это удастся только тогда, когда случится что-то невероятное. Например, вдруг кончится нефть и поневоле придется заняться высокими технологиями, начать переход к инновационной экономике. А пока нефть не кончилась, экономика знаний начаться не может.

– Она все-таки начинается. Зайдите, например, в Центральный экономико-математический институт РАН. Там кипит жизнь. Туда ходят студенты, им читают лекции по самым современным проблемам экономики. В столовую теперь из-за студентов не пробьешься, но это же прекрасно!

Есть молодежь, которая хочет, несмотря ни на что, заниматься наукой. И такой молодежи становится все больше и больше.

И научившихся выживать ученых – тоже. В 91—93-м годах руководители Академии наук заявляли: наука и рынок несовместимы. А сегодня Институт ядерной физики в Новосибирском академгородке, которым руководит академик Скринский, делает уникальные установки в штучном исполнении на 15—17 миллионов долларов в год, выполняет заказы европейского ядерного центра.

Но таких институтов у нас немного. Больше наукоемких фирм, которые существуют вокруг академических институтов, например, в Черноголовке. Они занимаются нормальным «хай-тэком», который востребован рынком – приборами, реагентами или чем-то еще. Чего тут зазорного? Что, академический институт должен только звезды считать? Да этого никогда и не было. Всегда Академия наук занималась прикладными задачами.

Часть академических институтов начинает интегрироваться с образованием, как, например, уже упомянутый ЦЭМИ. Некоторые НИИ могут соединиться с образованием и стать исследовательскими университетами. В США – самой мощной научной державе мира – таких учебных заведений сейчас 129. Идея исследовательского университета очень продуктивна. Хотя бы тем, что обеспечивает двойное использование специалистов, оборудования, площадей,

средств. Исследовательский университет в Штатах должен выполнить поисковых работ на столько-то миллионов долларов и подготовить столько-то докторов, причем вторая функция приоритетная.

– Слушая вас, невольно приходишь к выводу, что российская наука чувствует себя не так уж плохо и что слухи о ее кончине сильно преувеличены.

– На самом деле наука недореформирована. Нынешняя модель – промежуточная, переходная от советской модели, которую я бы назвал административно-патерналистской, к американской – назовем ее либерально-инновационной. Первая опиралась на государство, конкретно – на министерства и ведомства, на плановую экономику, на бюджет. Вторая опирается на свободный университет, в котором существуют свободные лаборатории и исследовательские группы, которые не спрашивают у ректора, чем бы заняться, не ждут указаний, а сами ищут ресурсы и заказы, сами их выполняют, комплектуют штаты по средствам, покупают то оборудование, что им нужно. Такая наука гораздо более подвижна. На ней-то и держится инновационная экономика.

– И мы, по-вашему, движемся в сторону именно этой модели?

– И неизбежно к ней придем. Наука станет гораздо более компактной, гораздо более мобильной, гораздо более нацеленной на интересы промышленности и общества. Без такой науки нам не прожить, ведь нефти и газа на всех не хва-

тит. Однако гоняться за Америкой давайте больше не будем. Давайте будем скромными. Давайте реально оценивать свой потенциал. Те направления, где мы сильны, необходимо сохранить и поддержать. Но нужно, грубо говоря, сохранять не поголовье стада, а его продуктивность. Если у вас доятся 5 коров, их и кормите досыта, а от остальных избавьтесь. Сохранить научный потенциал – это вовсе не то же самое, что сохранить численность НИИ. Высвобождаются люди? Рабочие места можно передвинуть в высшую школу, в исследовательские университеты, в бизнес, в управленческие и консалтинговые структуры и так далее. Значит, все по-прежнему упирается в структурную реформу науки и образования. Продолжать финансировать 450 академических и 2,5 тысячи всех прочих институтов из нашего тощего бюджета – бесперспективное дело. Вся наша наука имеет меньше, чем хороший американский университет. А он имеет несколько миллиардов долларов в год. Бюджет США на науку – 90 миллиардов долларов. Общие затраты – 240 миллиардов. Поэтому сейчас у нас по определению не может быть науки, сравнимой с американской – большой, дорогой, действующей по всему фронту. Наука – всегда заложница экономики. Большую Фундаментальную науку могут позволить себе только очень богатые страны. Либо тоталитарные – СССР, теперь – Китай. Сейчас на науку в России идет один процент валового внутреннего продукта, по этому показателю мы занимаем 21 место в мире. А по численности научных работ-

ников по-прежнему находимся на одном из первых. Значит, они у нас оснащены нищенски. Выводы? Они очевидны.

– Очевидные выводы тянут за собой очевидные следствия. Самое очевидное предложение – изменить финансирование.

– Да. Проекты надо финансировать через специальные фонды – раз. Два – необходимо финансировать саму исследовательскую, творческую среду: институты, лаборатории, научные центры. Но не все подряд. Отберите институты, где самые современные установки, где самые молодые перспективные кадры, где люди имеют наибольшее число публикаций, и дайте им больше. А сейчас делят бюджет по численности. Но ведь все знают, что в институте, где, условно говоря, числятся 360 человек, реально работает 60, прочие держат трудовые книжки.

– Начав «за здравие», мы как-то незаметно съехали на заупокойную ноту…

– Поскольку нынешняя модель откровенно переходная, о ней нельзя говорить исключительно в мажорном тоне. Академия наук не реформирована? Нет. Значительная часть институтов ВПК не реформирована? Нет… Где тут повод бить в литавры? Но! Рядом с ними все-таки выросла новая наука. Мы о ней говорили. Ее масштабы, правда, небольшие. Есть уже и частная наука. Или корпоративная. Например, научно-исследовательский институт «ЮКОСа», что называется, с иголочки, насыщенный самым современным оборудовани-

ем. Туда приглашают людей со всего земного шара – лучших специалистов в мире в своей области. В корпорации «Интеррос» есть свой институт по цветным металлам. Подобные институты есть в Газпроме, в РАО ЕЭС. Они уже живут в другом, «богатом» мире.

Ростки новой науки особенно хорошо видны в гуманитарной области: в экономике, политологии, социологии полно негосударственных центров весьма высокого профессионального уровня и живут они только на заказах. Как, кстати, и многие бывшие академические институты. Короче, на фоне старой формируется новая наука. Они соседствуют, сосуществуют.

– До поры, до времени? Пока новая окончательно и бесповоротно не вытеснит старую? И тогда, как нам пророчат, Россия действительно останется без фундаментальной науки?

– Что такое фундаментальная наука? Самое простое определение: это наука, не имеющая сегодня никакого коммерческого применения, в отличие от прикладной науки, нацеленной на конкретный коммерческий результат. Знания, полученные фундаментальной наукой, открыто публикуются и могут быть использованы всеми во всем мире. Когда-нибудь. Возможно, они не будут использованы никем и никогда, но если дело все-таки доходит до внедрения идей, то преимущество получает тот, у кого хорошая инновационная система. А у нас она пока плохая. Поэтому нашими идея-

ми с выгодой для себя обычно пользуются другие. Мы и так практически бесплатно кормим знаниями весь мир.

– Но мы же не желаем опускаться до составления бизнес-планов, что и показала практика фонда «Альфа-групп». Не царское, видимо, это дело.

– Вкладывать ресурсы в фундаментальную науку в России надо, но не во все направления подряд, как это было в СССР. Нужно поддерживать исследовательские коллективы, которые ведут работы на мировом уровне. Сейчас же мы продолжаем финансировать все советское научное наследие. В результате всем не хватает средств. Поэтому давайте попробуем тратить свои деньги с умом. Давайте направим тот небольшой бюджет, что достается науке, не только на фундаментальные исследования, но и на создание современной инновационной системы, на организацию технопарков, венчурных фондов. Давайте сами воспользуемся плодами своего интеллекта!

На двух полушариях

Российский интеллект всегда играл огромную роль в формировании мировой цивилизации, утверждает его серьезный исследователь, президент РАЕН Олег Кузнецов. На вызовы времени он отвечал явлением гения, будь то гений Пушкина, Достоевского, Менделеева, Вернадского, Бердяева или коллективный инженерный гений, который особенно ярко проявился в авиации, космонавтике, транспорте, электронике, телевидении, в создании ракетно-ядерного щита и самой крупной в мире минерально-сырьевой базы.

Сегодня российский интеллект распространился по всему миру. Известна роль, которую играют российские программисты в Силиконовой долине, российские преподаватели и профессора в американских университетах; известно, сколь многочисленна российская научная диаспора в Германии, Канаде, Австралии. Российский интеллект сегодня работает на развитие высокотехнологичного комплекса современного мира.

Но этим «списком Кузнецова» влияние российского ума на цивилизацию планеты не исчерпывается. Мир безоговорочно признает величие русской литературы – той литературы, что творит собственные вселенные, Вселенные Толстого, Достоевского, Булгакова. Мир отдает должное своеобычной российской философии – учению русского космизма,

видя в ней непривычную для Запада широту. Та же широта и притягивает и пугает Запад в русской литературе. Всеохватность – родовая черта русского способа мышления, проявляющегося во всех сферах, в том числе, понятно, и в науке. Владимир Иванович Вернадский обозначил этот способ термином «эмпирическое обобщение». Он не укладывается в прокрустово ложе методологии, обязательной в господствующей научной парадигме со времен Ньютона, Декарта и Лейбница (эксперимент – тысячекратное подтверждение опытных данных – выводы – построение теории, должной объяснить факты), ему, при желании, можно вообще отказать в «научности», но результаты этот способ приносит удивительные.

В 1880 году молодой русский ученый Сергей Подолинский, занимаясь термодинамикой, как бы между делом обратил внимание на то, что в процессе труда энергия не растрачивается, а напротив, концентрируется. Все работающие машины портятся и, поскольку сами заменить изношенных деталей и частей не могут, то, говоря на языке термодинамики, доля свободной энергии, затрачиваемой на полезную работу, при этом сильно уменьшается. Человечество же, взятое в целом, постоянно увеличивает долю свободной энергии, идущей на полезную деятельность. Оно упорядочивает все природные процессы, которые до вмешательства человека были хаотической тратой энергии. Чтобы стать совершенной в термодинамическом смысле машиной, то есть не растрачи-

вать в процессе работы энергию, а собирать ее, человечество должно отказаться от использования запасенной посредниками-растениями солнечной энергии, то есть от растительной и животной пищи и напрямую подключиться к солнцу как к источнику питания.

В 1925 году ту же мысль высказал Вернадский в статье «Автотрофность человечества», напечатанной в солидном французском журнале. Что будет происходить с человечеством по мере освоения всей поверхностной оболочки планеты? – задается вопросом ученый. В конце концов, окультуривая все возможные биоценозы, оно должно овладеть непосредственным синтезом пищи из минеральных источников. Пока человек в питании зависит от остального растительного и животного мира, он не может в достаточной степени быть обеспеченным. Подойдя к пределу своего охвата природы мыслью, человечество должно перейти к иному способу питания – автотрофному. Синтезируя пищу непосредственно из солнечной энергии, человек подтолкнет историю Земли к неслыханному геологическому перевороту, к новой геологической эре в истории планеты. Собственно, это будет уже не человек, а какое-то другое разумное существо.

В 1925, а тем более в 1880 году предположения Вернадского и Подолинского были расценены как фантазии, недостойные серьезной науки. В 2003 году мы видим, что «фантастические» идеи блестяще подтверждаются. В разных концах Земли появляются так называемые «солнцееды», отка-

зывающиеся от еды и питья и переходящие на питание светом. Их – возможно, предтеч нового биологического вида – на планете уже тысячи и тысячи. По некоторым данным, их уже целых 8 тысяч человек. И они в 1999 году уже провели свой съезд в Лондоне. Они уже пишут книги под названием «Праническое питание». Никто из пророков-ясновидящих или футурологов не додумался, что шестая раса может оказаться расой «солнцеедов. Додумались русские космисты, владевшие специфически российским способом решения научных, технологических, инженерных, вообще говоря, творческих задач и проблем, в котором проявляются родовые черты русского ума.

Они дают о себе знать при обращении к не строго формализованным областям знания, когда философы, ученые, которых лучше назвать красивым словом «естествоиспытатели», включают в равной степени левое и правое полушария мозга, мысля рационально и иррационально одновременно. У исследователей Европы и США преобладает рациональное мышление, российские универсальные, всеохватные концепции мироздания во многом основываются на интуиции, на гениальных прозрениях.

Голос Ойкумены

Так полагает президент РАЕН Олег Кузнецов. Но русский ум сосредоточен ныне не только в самой России. Наши соотечественники из бывшего СССР живут и успешно работают в 83 странах мира. По разным оценкам, на Западе находится от 5 до 8 миллионов русскоязычных людей. Россия совершенно неожиданно для себя самой породила Всемирную Русскую Ойкумену, – говорит ее идеолог и глашатай, когда-то ленинградский профессор, а ныне президент «Math Tech, Inc.», Нью-Йорк, США, Юрий Магаршак. За 10 лет без единого выстрела наши культура и наука распространились на весь мир. Эмиграция из Советского Союза – самая образованная за всю историю человечества. Русская диаспора – самая интеллектуальная в мире. Посетите семинары по теоретической физике или по математике в самых уважаемых университетах Англии, Франции, Соединенных Штатов. На многих из них русский язык является вторым рабочим языком, а иной раз и первым. В Соединенных Штатах вице-президентами множества крупных фирм являются русскоговорящие люди. Точка зрения, что экономический бум Америки девяностых связан с массовой эмиграцией из Восточной Европы, не лишена оснований.

При всем том мы совершенно другие. И это сразу же становится понятно в любой области – в лингвистике или в био-

логии, сразу же проявляется в любой лаборатории, в любом университете, в любой фирме. Наше глобальное отличие от Запада – широта. Широко не только наше образование, но и наше понимание мира. Наш подход к делу с идущей от национального характера неопределенностью – своего рода квантовая механика по сравнению с механистическим Западом.

Мы пробиваемся к цели любыми путями и средствами, уклоняясь от правил, добиваясь того, чтобы система работала, а потом заделываем бреши и находим более рациональные решения. Америка, Европа и Азия работают совершенно иначе. Там, где китаец стремится к детализации, европеец к точности, склоняется к компромиссу, к золотой середине, человек русской культуры стремится к широте и выходу из собственно проблемы для решения этой проблемы. Мы действуем за пределами задач, а не по их внутренней логике. Мы не боимся приближенных и грубых решений, будучи уверенными, что детали осмыслим и доделаем потом – если потребуется. В результате нам удается непостижимым для Запада способом соединять все и вся, находить новые нетривиальные ответы на любом уровне и в любом месте.

Таким образом, у российского подхода к науке и технологиям есть своя уникальная ниша, которую специалисты иных культур и школ заполнить не могут. Возможно, нашим национальным способом никогда не наладить производство тщательно отделанных «Мерседесов» или телевизоров, способ-

ных конкурировать с «Сони». Но он, как никакой другой, дает возможность создавать новые устройства, прототипы, уникальные продукты, развивать абсолютно новые подходы и принципы.

У нас – Ползунов, у них – Эдисон

По-видимому, за границами обозначенной Юрием Магаршаком ниши российский интеллект чувствует себя не совсем уютно. Там, где начинается наукоемкий бизнес, он не совсем в своей тарелке. Еще в советское время мы неизменно отставали от Запада во внедрении научных и технологических идей. Если там на воплощение уходило 5 лет, то здесь – 20. Конечно, в плохой экономической системе хорошие технологии, скорее, исключение, а не правило, конечно, их внедрение тормозилось негибкостью планового хозяйства… Но вот плановой системы давно нет, но ведь и инновационной нет. Ее нет до такой степени, что не на что потратить выделенные на инноватику деньги, и венчурный фонд «Альфа-групп» не находит среди пятисот проектов ни одного, достойного внимания!.. Не потому ли, что российский интеллект действительно не желает опускаться до составления бизнес-планов? Ему это просто не интересно. Это для него и впрямь не царское дело. Поэтому для Запада показательна фигура преуспевающего изобретателя и одновременно преуспевающего бизнесмена Эдисона, а для России – неудачника Ползунова, сконструировавшего первую в мире паровую машину, но не сумевшего ее построить и умершего за неделю до пуска своей паросиловой установки, первой в России. Коммерциализация научного, изобретательского

таланта, достижение исследователем, естествоиспытателем, мыслителем богатства и независимости у нас невероятная редкость.

Мир привычно списывает это на «загадку русской души», а мог бы списать на «загадку русского ума». Ему обязательно надо знать, «ради чего». Идеалы творцов наук и технологий выражались формулой Леденцова «Наука – Труд – Любовь – Довольство». В документах основанного Христофором Семеновичем Общества последовательно отстаивается мысль, что именно пронизанность жизни духовными идеалами, стремлением к научному и технологическому совершенству не просто создает «серьезную и ясно ощущаемую экономическую заинтересованность», но делает бытие осмысленным и продуктивным. Лучшие умы России еще век назад нашли собственную работоспособную схему управления технологическим прогрессом и действенную схему наукоемкого бизнеса, не претящего душе и уму. На Первом Всероссийском съезде изобретателей в 1916 году Н. Е. Жуковский говорил об «организации научно-лабораторной разработки изобретений» и о «национальных научно-технических лабораториях возникновения и осуществления изобретений» и о реализации изобретений через мелкое предпринимательство. Российская схема инновационного бизнеса включала идеалы, духовные ценности в качестве важнейших элементов.

Лента Мебиуса

Бегство нашего ума за рубеж было актом самосохранения. Спасением от «безумной траты самого дорогого достояния народа – его талантов. А между тем эти таланты никогда не возобновляются непрерывно. И даже если бы оказалось, что процесс их создания в нашем народе еще длится, все же одни личности механически не могут быть заменены другими».

Горькие слова Вернадского, сказанные в 1927 году, можно было каждый день повторять в конце века, когда за границу перекочевывали уже не отдельные представители российской науки, а целые лаборатории и институты. Но, слава Богу, к трагедии это не привело: таланты возобновлялись, процесс их создания в народе еще длился. И, к счастью, пока еще длится. Потому что, писал сам Вернадский, «раса достаточно здорова и очень талантлива», потому что творческие люди «приходят в мир независимо от общественных условий, иногда вопреки неблагоприятным обстоятельствам». «Появление творчески одаренных личностей – биологическое явление, существа которого мы не знаем». В России это явление проявляется со всей возможной наглядностью – независимо от общественных условий и вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Русский ум подрастает, словно молодой сосняк на месте вырубленного бора. Русский ум – что

пена на кипящем котле: чем больше снимаешь, тем больше набегает.

Запас талантов в стране такой, что мы можем поделиться им с другими. И делимся – как нефтью, газом, лесом. Пресловутая «утечка мозгов» – не что иное, как экспорт интеллекта. Он идет давно, благодаря чему российская научная и интеллектуальная элита рассеялась по всему миру. Похоже, производство умов – и в самом деле миссия России, ее настоящая роль в мировой цивилизации. Не знаний, а именно интеллекта, который затем и производит знания. По образцу Царскосельского лицея.

Притоку российских талантов мир противиться не станет, уверен Олег Кузнецов. Мир и так ждет от России рождения революционеров и гениев… Тех, что практически бесплатно уезжают на Запад? – саркастически вопрошает Борис Салтыков.Да,Россия экспортирует умы, причем, в возрастающих масштабах, и делает это с ущербом для себя, – ведь мозговая подпитка планетарной цивилизации фактически ничего не стоит, экономически она еще менее выгодна, чем экспорт сырой нефти или круглого леса…

Прагматик и реалист Салтыков прав, но прав как прагматик и реалист. Ведь интеллект все-таки не мазут и не бревна. Его миграция, надо полагать, подчиняется иным законам, нежели движение товаров. Однако, чтобы придти к этой мысли, надо выйти за пределы болезненной проблемы «утечки умов» и взглянуть на дело шире, как и предполагается

в русской традиции. При таком взгляде становится очевидно, что в зарубежных университетах и лабораториях русский ум не ослаб, не очерствел, не завял, не переродился, не перестроился на западный манер и не переменил своих базовых качеств. Гигантский интеллектуальный потенциал Русскоязычной Ойкумены остается потенциалом русского ума. Сегодня его экспорт практически бесплатен, но он сродни вложениям в надежные банки под большие проценты, поскольку в процессе «потребления» интеллект не иссякает, наоборот, прирастает и развивается. Через какое-то время этот умноженный капитал вернется в Россию – здесь он дома, здесь ему всего комфортней.

Он уже возвращается. Например, в подмосковную Дубну, в свое время снабдившую Запад теоретиками и экспериментаторами высшей пробы. Но возвращается не насовсем, не навсегда, как – «не насовсем, не навсегда» – оказывается, и убегал. Он теперь живет и мыслит там и тут. Российская наука ныне похожа на ленту Мебиуса, у которой две стороны, перетекающие друг в друга. Кажется, что она объективно состоит из двух частей, но на самом деде она едина. У нее теперь вроде бы два дома, но они сливаются в один большой планетарный дом. То, что это и впрямь лента Мебиуса, становится абсолютно ясно в некоторых точках земного шара, принадлежащих одновременно России и остальному миру. Дубна – одна их таких точек. Интеллектуальный комфорт в городе теперь создается не только знаменитым Институтом

ядерных исследований, но и молодым Университетом природы, общества и человека. Его визитной карточкой является идеология устойчивого развития – одна из многообещающих современных парадигм. Среди ее создателей – ректор университета «Дубна», он же президент РАЕН Олег Кузнецов.

Кристалл Разума

На него часто ссылаются на Дербеневской у Владимира Лисина, но не как на доктора, профессора, директора, лауреата, президента и ректора, а именно как на творца серьезной парадигмы, что, на взгляд участников «Интеллектона», куда как важнее. Титулы и регалии здесь ничего не значат. Здесь властвует чистый разум. Здесь наш интеллект разворачивается во всю свою ширь. Здесь работают с универсальными категориями бытия, сверяясь не с отчетами Академии наук, а с трактатами основных философских школ, которые, в свою очередь, сверялись лишь с Абсолютным Знанием.

Оно хранится на Земле в Кристалле Разума, говорит Лисин, а он активируется и знание возвращается, когда завершен какой-то космический цикл и начинается новый. Сейчас как раз такой момент – ведь на часах стык веков, тысячелетий и эпох. Человечество вновь прикрепляется к Абсолютному Началу. Настал светлый период поисков истины. Искать ее – дело русского ума.

Есть люди, назначение которых – мыслить. В России, похоже, они появляются чаще, чем в других местах Земли – благодаря тому таинственному «биологическому явлению», которое подметил выдающийся русский мыслитель Вернадский. Другой выдающийся русский мыслитель, философ Алексей Лосев называл их «мыслящими первоэлемента-

ми мира». Есть, разумеется, такие «первоэлементы» и в сегодняшней России, но широкой российской публике они практически неизвестны. Во-первых, их все-таки немного, они не на виду, не то, что политики или теледивы, во-вторых, продукт их творчества – знание высшего уровня – очень специфичен и почти не востребован обществом. Социального заказа на серьезное знание нет, оно рождается в агрессивном вакууме, говорит Лисин. И все же, несмотря на невзгоды, отечественные мыслители, по его счету Лисина, предложили около ста новых концепций верхнего уровня. В поисках новых идей бесстрашная мысль уходит в дальнюю разведку и возвращается с багажом, который поначалу могут понять, оценить и сопоставить с другим лишь несколько человек на планете…

***

Из беседы с Владимиром Лисиным, руководителем «Интеллектона», специалиста по синтезу моделей мира с учетом феномена человека

– Как далеко забрели передовые группы интеллектуалов-разведчиков, Владимир Николаевич? В каких пространствах обживается сегодня человеческий разум?

– Мы плохо представляем, где вообще находится наш разум. Возможно, он находится в ментальном пространстве,

где и работает с идеями, а тело пребывает в другом пространстве – в физическом. То есть, наши разум и тело как бы принадлежат разным мирам. К тому же, информация приходит не только по ментальным каналам, в виде логических моделей, но и по интуитивным, в виде откровения. Цепочки логических доказательств нет, а информация очень правдоподобна, ее подтверждают специальные расчеты. При создании новых моделей мира в равной мере используется логическое мышление и интуитивные каналы. Их три, потому что, согласно Питириму Сорокину есть три вида интуиции – чувственная, интеллектуальная и духовная. Мы стремимся к единому знанию и начинаем мыслить в другом стиле, сознавать себя частью мироздания, структурным элементом реальности. Благодаря этому мы действительно проникаем в новые пространства.

– В которых творцы «концепций высшего уровня» чувствуют себя как рыба в воде? Скажите, они такие же люди или двуногие какой-то особой породы?

– Древнегреческий философ Секст Эмпирик сравнивал ученых с пчелами, которые рефлекторно строят соты. Занятие наукой – это, скажем так, инстинктивная жизнедеятельность ученого. И в том числе потому, что информационной емкости мозга не хватает, чтобы всем заниматься сознательно. Чтобы придти к таким концепциям, нужно совершить огромную интеллектуальную работу, а для этого – сконцентрировать интеллект.

– Выходит, «мыслящие первоэлементы мира» концентрируют в себе интеллект нации?

– Для нашего типа интеллекта это так. А для американского – не так. Американцы не строят моделей мира, они строят аппараты, снаряжают экспедиции, привозят образцы и разбирают их по атому в прекрасно оснащенных лабораториях. Они как бы ощупывают мироздание. Интеллект американской науки я бы назвал ощупывающим. К чему они свели освоение Луны? К изучению доставленных на Землю проб грунта. Стоило ли ради этого летать? Ведь состав Луны известен. Его дает мощная парадигма нашего ученого, профессора-геолога Ходькова. В ней определено происхождение всех тел Солнечной системы, генезис ее развития, генетические параметры планет, их элементный состав…

Американцы побывали на Луне и не поняли, что она такое. Они даже не задавались этим вопросом. А теперь они собираются вложить в новые полеты 30 миллиардов долларов. Наверное, чтобы продолжать возить минералы… Впрочем, ничего другого позитивистское мировоззрение сделать не даст. Согласно ему, истинно то, что полезно в данный момент. У американцев позитивистское мышление. А у нас – нет. И об этом надо знать, чтобы принимать обоснованные решения в любой области. Надо знать достижения и особенности своей культуры, своей цивилизации. Мы можем взять на вооружение новые прорывные концепции и резко сократить все расходы, исключить все развилки и двигаться на-

прямую к цели, а не разбрасываться, не «щупать» там и там – вдруг откроется что-то необычное, перспективное? Ничего дельного на тупиковых путях не откроется, это давно выявлено и доказано русским умом.

– Но наш путь, путь страны определяют отнюдь не сконцентрированный интеллект нации, не, а самый что ни на есть обыденный, бытовой умишко. А порой, кажется, и того не хватает…

– Действительно, у нас нет влиятельных органов, которые занимаются экспертизой. А экспертные советы крайне необходимы. Они должны быть при правительстве, при Академии наук, при всех инстанциях, принимающих решения. Когда серьезные, что называется, судьбоносные вопросы решаются без участия ведущих специалистов, это, извините, просто детский лепет. Что, чиновники превзошли все науки, все знания мира?

– Хорошо. Но сколько в мире экспертов, способных понять и оценить новые прорывные концепции? Двадцать человек? Десять? Или даже меньше?

– В целом, сегодняшний интеллектуальный уровень невысок. Те интеллектуалы, кого после Октябрьской революции убили, отправили в лагеря или выслали из страны, стояли несравненно выше нынешних академиков. Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Семен Франк, Иван Ильин, Георгий Федотов, Николай Лосский, Сергей Булгаков, Павел Флоренский – блестящие умы, основатели научных школ, твор-

цы непревзойденных философско-религиозных концепций, подлинная элита нации. Мы часто даже не в состоянии понять, какое духовное наследие нам досталось. А уж освоить – тем более.

– Но, может быть, это и не обязательно? Ведь незнание не мешает современным российским мыслителям строить всеобъемлющие теории.

– Нет, все-таки мешает. Ньютон говорил, что стоял на плечах гигантов, и это верная формула процесса познания. Считается, что теорию Эйнштейна сначала понимали 5 человек, потом 10, потом 20. Потом, когда к теории относительности приобщились тысячи, выяснились ее очевидные слабости и было построено около ста теорий, лишенных недостатков материнской, но зато обладающих собственными, которые тоже будут устранены – в свое время. Процесс познания идет именно так, а не иначе. Поэтому, хочешь, не хочешь, а придется осваивать и Флоренского, и Сорокина, и Лосева…

– А какие, собственно, проблемы решают эти немногочисленные и вроде бы стоящие на обочине мыслители? Понятно, для чего нужны обществу земледельцы, военные или врачи. А для чего необходимы творцы новых моделей мироздвния?

– Они необходимы для выживания страны и народа.

– Для выживания?!

– Да, как бы странно это ни прозвучало. Для движения

вперед. Эти люди улавливают и доносят до нас откровения, связанные с духовным миром, с миром идей. Или, скажем так, приходящие из мира идей. Они представляют эти откровения в привычной нам форме – в виде законов, уравнений и прочего, с чем уже может работать прикладная наука, инженеры и практики. Это их неоценимый вклад в прогресс, в общее дело, овеществляемый в новых прорывных технологиях в энергетике, транспорте, информатике, в образовании, медицине, производстве продовольствия.

Но сами «ловцы откровений» не занимаются прикладной наукой, да и фундаментальной, в общепринятом смысле слова, тоже не занимаются. Их область – не теоретическая физика, не космогония, а, я бы сказал, Физика Бытия, онтологический синтез физики и философии. И это поразительно. Откуда у людей, живущих в материальном мире, тем более, в сегодняшней России, получивших стандартное образование, берется способность создавать такие глубочайшие концепции? Думаю, люди с уникальные способностями необходимы мирозданию для разработки новой парадигмы Бытия, время которой настало или настает. Рамки нынешней человечество переросло. Поэтому такие люди появляются, а благодаря их свободному творчеству появляются откровения, сравнимые по масштабу с откровениями мировых религий.

– С той лишь разницей, что эти откровения известны лишь нескольким десяткам человек. Верно?

– Их книги, конечно, не наделали шума. Да и не могли

наделать. Но свои читатели у них есть. Тысячные тиражи расходятся. Идет осознание, усвоение, критическое осмысление. Идеи входят в умственный обиход постепенно, своим чередом, так сказать, по плану. Сейчас все больше подтверждений находит мысль, что гнозис – познавательный процесс – развивается по определенной программе, написанному кем-то сценарию. Согласно ему, те, кто занимается целостной моделью мира, составляют передовой отряд. Это пионеры, первопроходцы. Мы уже обязаны им локальными прорывами в физических науках, в философии, в биологии, в психологии. Каждый первопроходец прорывается на своем участке, а мозаика постепенно складывается в так называемую «теорию всего», содержащую все законы, все физические величины, все программы развития. Сейчас мы имеем ее отдельные фрагменты, но не знаем, где можно применить ту или иную модель. Сидим на таком богатстве и не понимаем, как его использовать.

– Использовать на практике? Создав какие-то приборы, устройства, технологии?

– Почти все авторы новых парадигм предлагают в конце своих трудов что-нибудь практическое, обычно либо удивительный летательный аппарат, либо, фактически, вечный двигатель вечный двигатель той или иной модификации, работающий на свободной энергии Вселенной. Ее действительно сколько угодно, но взять ее мы пока не умеем и неизвестно когда научимся. Практического эффекта пока нет

и до него, думаю, страшно далеко. Большинство моделей – красивое космическое знание, не привязанное ни к чему земному и не стремящееся к заземлению.

Другое дело – нооосферные проекты. Когда, например, Михаил Беляев предлагает периодическую систему знаний наподобие системы элементов Менделеева, когда, по его словам, строит ствол древа знания, ветвями которого будут все ныне существующие науки, то это предложение вполне практическое. Такая система послужит преподавателям при переходе на ноосферный этап развития. Его признаки, кстати говоря, уже просматриваются. Действует 200 общественных, то есть, условно говоря, ноосферных академий. Некоторые работают «на дому», это распределенные, иной раз по всей Европе, «сотовые» структуры. Но когда тот или иной мыслитель обещает разработать новые источники энергии и новые транспортные средства, это вызывает большие сомнения.

– А в академической среде и у чиновников – еще и раздражение, желание раз навсегда заткнуть рот «чайникам», создав очередную комиссию по лженауке?

Ортодоксальная наука задержалась в «темных веках» и продолжает эксплуатировать технические достижения, думая, что ей все известно. Она даже не стремится приблизиться к пониманию мира и человека. Как еще она может отнестись, например, к утверждению, что биологическая эволюция продолжается, но идет она на клеточном уровне? Что

живая клетка – масштабный центр мироздания? Что митохондрии клеткиработают как синхрофазотроны и генерируют протоны, благодаря чему в клетке идет ядерно-химический процесс? Что мироздание имеет клеточную структуру?.. –

– Скажите, Владимир Николаевич… Кто эти люди? Ученые при чинах и званиях? Свободные художники? Отшельники-затворники? Или?.. Есть ли среди них те, кого можно назвать непризнанными гениями?

– Думаю, коэффициент интеллекта зашкаливает у всех. И все очень продвинуты духовно. Все – очень мужественные люди, несмотря ни на что следующие своему призванию и миссии. Это лидеры в интеллектуальной и духовной сферах. Но лидеры скрытые, неформальные, не занимающие, как правило, никаких влиятельных постов. Такие мелочи их не интересуют. Как и то, причисляют их к элите или нет. Им это безразлично.

Мыслители не требуют от власти, от общества, от спонсоров ни признания, ни денег, ни привилегий. Ни власть, ни общество, ни спонсоры не могут дать им энергии, необходимой для десятилетий подвижнического труда. Чтобы создать концепцию высшего уровня, прорывную теорию надо непрерывно трудиться на протяжении 30 лет, это, как показывает опыт, минимально необходимый срок. Причем трудиться, в основном, бесплатно. Так, вобщем-то, и должно быть, потому что разгадывание тайн Вселенной, постижение замыс-

лов Творца не имеет никакого отношения к деньгам, а откровение, которым вознаграждается труд, не имеет цены.

2002—2004

Чистая вода экономики

Нужен экономический прорыв – то и дело слышим с трибун, президентской, правительственной, думской. Действительно, нужен. За счет чего он возможен? Если серьезно, то только за счет инноваций, другого способа нет.

Слово «инновация» легко слетает с языка министров, политиков, экономистов, телекомментаторов. Но кто из них знает его точный смысл? Можно ли определить «ин-новацию» как внедренную новацию в обличье передовой идеи или изобретения?.. Увы, слово «инновация» не имеет точного соответствия в русском, как не имеет его слово «бизнес». Поэтому правильнее говорить об инновационной деятельности. Это такая деятельность, которая ведет к созданию принципиально нового продукта, принципиально новой услуги или принципиально нового знания, в результате которой появляется то, чего раньше не было: летательный аппарат тяжелее воздуха, лампа накаливания, автомобиль, компьютер. Модернизация, улучшение, перекрашивание не являются инновациями. Поэтому, например, транзисторный телевизор, пришедший на смену ламповому, к ним не относится, а мобильный телефон принадлежит с полным правом.

В основе инновации часто лежит изобретение. Но не всегда. И не всякое. Только запатентованное. Попов изобрел

свой радиопередатчик на год раньше Маркони, но Попов его не запатентовал, а Маркони – запатентовал и создал тем самым предпосылку для производства. Поэтому второй обязательный признак инновации – выход продукции на рынок. Можно изобрести что-то фантастическое, однако оно не впишется в рыночные отношения, не ляжет в основу рыночного продукта. В таком случае изобретение не будет инновацией. Она обязательно должна либо вытеснить с существующих рынков другие продукты, либо создать новый рынок. Персональные компьютеры – это инновация, которая вытеснила с рынка пишущие машинки, изменила типографские технологии и создала не только рынок самих компьютеров, но и рынок программных продуктов. Мобильный телефон – инновация, приведшая к возникновению рядом с рынком обычных телефонов нового рынка, тесно связанного с рынком услуг связи. Что же касается автомобиля, то это инновация поистине планетарного масштаба. Она не просто создала новый рынок, она породила новую потребность, которая, в свою очередь, инициировала потребности в разнообразнейшем автосервисе, в автомобильных дорогах, в дорожной технике, в дорожном оборудовании и машиностроении, в дорожных материалах… Все это – принципиально новые рынки, а стало быть, новые производственные и экономические отношения и новые рабочие места.

Инновации на любой вкус, для любой отрасли, для любой сферы жизни можно найти на московских промышленных,

отраслевых и прочих выставках, нескончаемой чередой проходящих в Сокольниках и на Красной Пресне. Там присутствуют и новенькие, с иголочки, разработки, и идеи-ветераны. К числу последних относится заслуженная, проверенная временем и прочая, прочая, прочая идея использовать материал отслуживших свое покрышек для укрепления асфальтового покрытия дорог, в результате чего оно делается втрое прочнее и долговечнее.

Отчего же это толковое и экономичное предложение не используется вот уже много лет? Да как раз оттого, что толковое и экономичное. Если дороги станут служить в три раза дольше, то ремонтировать их потребуется в три раза реже, а кое-кому сие очень невыгодно. Ремонт российских дорог – золотая жила. Поэтому богатые, влиятельные и решительные люди, занимающиеся этим чрезвычайно денежным делом и желающие заниматься им каждый год, а не раз в три года, уже много лет душат инновацию и будут душить ее впредь – до тех пор, пока в России не появятся экономические механизмы, которые в советские времена называли внедренческими, а сейчас называют инновационнымиВедь наука лишь рождает инновации, а реализует их экономика. Именно ей принадлежит решающая роль. Значит, проблема не в недостатке прорывных идей, их у нас хватало и хватает, а в отсутствии механизмов, обеспечивающих прорыв. И пока их не будет, сырьевая Россия, несмотря на все призывы, не сможет превратиться в Россию наукоемкую. .

В Европе и в Штатах необходимости в подобной трансформации нет. Там никуда не прорываются,«золотому миллиарду» вполне достаточно устойчивого поступательного роста. Он обеспечивается идеологией, получившей название «фактор четыре» – за счет технологий, вдвое уменьшающих затраты и дающих двойной эффект. Но нас такой темп не устраивает. Нам нужен как минимум восьмикратный эффект – из-за огромности пространств и издержек климата, в среднем в два раза превышающих издержки любой другой страны. Стены в наших домах должны быть толще, топить надо сильнее, приходится чистить несравнимо более длинные дороги от снега, прокладывать трансконтинентальные магистрали, строить заполярные города и аэродромы, переодевать армию в зимнюю форму и прочее. Если мы будем ориентироваться на «фактор четыре», то всего лишь компенсируем дополнительные затраты, которых нет на Западе. А необходимо большее. Поэтому в базу данных по прорывным технологиям надо отбирать те проекты, что дают восьмикратный и десятикратный эффект. Еще лучше те, что обещают изменить мир, подобно тому, как изменили их автомобиль или компьютер – сегодня для настоящего прорыва нужен предмет такого же масштаба и такой же привлекательности.

И такой предмет есть. На него, как на стержень, может нанизаться множество инновационных направлений. Хотя это не великое изобретение. И вообще не изобретение. И, соб-

ственно, даже не предмет. Это… вода. Но, конечно же, не из-под крана, не из родника в тайге и не из тайного подземного озера в Гималаях. Это вода особенная. Пропущенная через специальный реактор-электролизер вода с регулируемыми параметрами.

Вода везде и всюду, она основа нашей цивилизации, которую с полным основанием следует назвать цивилизацией воды. Она потребляет воду в огромных количествах, мало того, без нужды, просто по недомыслию и неграмотности самоубийственно отравляя оставшиеся водные запасы планеты. В Россиизагрязнено 80 процентов запасов пресной воды, поэтому каждый второй житель вынужден использовать для питья воду, не вполне соответствующую гигиеническим нормам, а 11 миллионов человек вообще потребляют то, что ей не является. По сведениям НИИ «Экологии человека и гигиены окружающей среды им. А. Н. Сыссина» РАМН, в среднем по стране гигиеническим требованиям не соответствует практически каждая третья проба «водопроводной» воды – по санитарно-химическим показателям и каждая десятая – по санитарно-бактериологическим; очищаются согласно нормативам только 4 процента стоков, сбрасываемых в водоемы… Говоря без обиняков, наша питьевая вода – это, фактически, разбавленная сточная, ибо даже лучшие современные способы очистки не позволяют сделать ее инфекционно безопасной и биологически полноценной. В других странах ситуация не лучше. Эксперты Всемирного банка, од-

ни из самых авторитетных в мире, к числу наиболее важных угроз национальной безопасности государств отнесли питьевую воду и продовольствие, в составе которого доля воды составляет 50—60 процентов. Связь качества воды со здоровьем, долголетием и благополучием наций более чем очевидна.

Нетрудно вообразить, какой эффект даст переход на чистую воду, содержащую в нужном количестве необходимые минеральные вещества, сбалансированную по кислоте и щелочи. И не просто чистую, а, так сказать, чистую специализированно. Сейчас мы используем «воду вообще», а ведь она поит и моет, переносит и отапливает, варит и растворяет, она удовлетворяет тысячи разных потребностей и потому должна менять свои свойства. Для пекарни нужна вода с одними качествами, для красильной фабрики – с другими, своя особенная вода необходима на молочной ферме, в бане, больнице.

Такую воду получать можно. С помощью упомянутых реакторов-электролизеров. Честь их создания принадлежит Виктору Васильевичу Устюгову и Сергею Эдуардовичу Кочубею, ученым и изобретателям. Правильнее сказать, им принадлежит приоритет в создании прорывных технологий жизнеобеспечения, то есть в разработках первостепенной важности для страны. Технологии конкретизированы в патентах: на сам реактор-электролизер, на способ производства и обработки воды, обеспечивающей инфекционную без-

опасность и биологическую активность, на способ экологически чистой дезинфекции, на управление проращиванием зерна, на производство экологически чистого хлеба и так далее.

Эти технологии органично ложатся в основу инновационных направлений. Биологически стерильная, очищенная от солей металлов, уравновешенная по положительным и отрицательным зарядам, дегазированная – то, что называется, природная, причем высшего качества – вода создает новые потребности.

Во-первых, понятно, в себе самой. Ее биологическая эффективность, а значит, целебный эффект в сотни тысяч раз (!) выше, чем у водопроводной воды, и это порождает «медицину природной воды», сеть оздоровительных учреждений, начиная с необыкновенных бань.

Во-вторых, в самих приборах для промышленности, водоочистных станций, медицины, быта.

В-третьих, в пищевых продуктах, изготовленных на природной воде, прежде всего, в хлебе, необычайно вкусном и энергетически ценном.

В-четвертых, в воде как в дезинфицирующем средстве, потому что технологии жизнеобеспечения решают проблему «универсального препарата», против которого не имеют ни малейших шансов ни синегнойная палочка, ни птичий грипп, ни прочая зараза – безвредной для человека жидкости, истребляющей микробы. И так далее.

Все эти потребности порождают новые производства и новые рынки – нарастает классическая инновационная лавина. Но прорывные технологии, как уже отмечено, имеют одну опасную для себя особенность. Это технологии не только открывающие, но и закрывающие, и тоже целые направления и отрасли (так, компьютер закрыл индустрию пишущих машин, счетных устройств и целых классов типографского оборудования).

Электролизер для домашнего использования дает 60 литров природной – без хлора, токсинов, диоксинов, железа из труб – воды в час, потребляет один киловатт-час электроэнергии на кубометр воды, практически вечен; пища на этой воде готовится в 3 раза быстрее; стакан такой воды заменяет 10 терапевтических доз поливитаминов. Приобретя домашний реактор, вы перестанете принимать витамины, покупать бутилированную воду, пользоваться пищевыми концентратами и добавками, нуждаться в фильтрах, в товарах бытовой химии – короче, откажетесь от того, без чего сегодня обходятся разве что племена в африканской глуши.

Но! Согласно исследованиям специалистов Женевского университета, рынок бутилированной воды – самый быстрорастущий сегодня рынок с оборотом, оцениваемым в 22 миллиарда долларов. (Хотя, покупая воду в бутылке по цене порой в тысячу раз дороже водопроводной, вы покупаете кота в мешке.

Американская элита пьет воду, получаемую на ледни-

ках Гренландии и самолетами доставляемую в США. Однако пробы гренландского льда, проведенные 3 года назад Desert Research Institute (США), показали, что уровень свинца в нем в три раза выше, чем в пробах льда, образовавшегося до 1870 года. Швейцарские исследователи обнаружили, что 11 из 29 европейских марок минеральной воды содержат следы экскрементов, сообщает журнал Nature…) И производство пищевых добавок – тоже огромная и очень прибыльная мировая отрасль. А про фармацевтику и говорить нечего: мировой объем продаж лекарств и препаратов достигает 150 миллиардов долларов в год. Так что наивно было бы предполагать, что та же фармацевтика безропотно уступит место под солнцем новому направлению, будь оно хоть сто раз инновационное и сули оно человечеству неисчислимые блага. Денежные мешки могущественной индустрии найдут способ его прихлопнуть. Будут душить конкурента воротилы водяного бизнеса. И Россия тут отнюдь не исключение. Тут мы шагаем в ногу со всем «цивилизованным миром»: из всех разрешенных у нас видов бизнеса водяной – самый прибыльный…

Все, чьи интересы может ущемить инновация, будут бороться с ней и с ее носителями жестко и беспощадно. Виктору Устюгову дважды угрожали: не уберешься со своими приборами – убьем. Сначала – на фабрике первичной обработки шерсти. Биологически активная вода идеально отмывала шерсть, на треть уменьшая выход продукции и бары-

ши хозяев. История повторилась на приемке хлопка, где его увлажняют специальным консервантом. Фирменный препарат на природной воде делал невозможной пересортицу. Так что апробация технологии закрылась, едва начавшись.

На одном из сибирских комбинатов взялись было внедрять запатентованную Кочубеем и Устюговым технологию крашения шелковых тканей, но, выяснив, что процесс пошел вдвое быстрее, быстро свернули эксперимент. Новые технологии потребовали замены оборудования, а взять его оказалось негде – заказ был невыгоден машиностроителям. То же вышло на одной шерстенабивной фабрике, где скорость мойки тканей выросла в 3—5 раз. Чем выше скорость, тем меньше нужно машин, а чем меньше машин, тем меньше объемы продаж у их производителей, тем меньше рабочих мест могут они удержать.

Неудачей закончились и все попытки изобретателей наладить производство экологически чистого хлеба. На стандартном современном хлебозаводе на 40 тонн хлеба в сутки, в громадном здании о пяти этажах, начиненном громадными машинами, как ни парадоксально, совсем не заботятся о живой дрожжевой культуре, которая здесь работает и от которой зависит и количество, и качество хлеба. Одна только технология оптимизации среды, в частности, оптимизация параметров воды, позволит на треть снизить себестоимость батонов. А если взять полный цикл получения экологически чистой продукции, начав с обеззараживания зерна,

с его проращивания (для выпечки зернового хлеба, биологическая ценность которого на порядок выше), то себестоимость упадет примерно в 5 раз. Но для этого хлебозаводы и пекарни надо оснастить новым технологическим оборудованием. Кто будет его выпускать, обслуживать? Нужных специалистов пока нет. Нет специалистов ни по электролизу воды, ни по контролю безопасности ингредиентов, ни по оценке энергетической ценности хлеба, ни микробиологов-технологов.

Попытки запустить внедренческие механизмы, а Устюгов и Кочубей предпринимают их давно, показали, что экономическая среда сопротивляется инновациям. Нет нового оборудования, новых специалистов, навыков нового проектирования. Инновационная деятельность невозможна без новой философии производства, нового пользователя и нового потребителя, а их нет… Конечно, со временем (и, к тому же, если повезет) все это может возникнуть благодаря самим прорывным технологиям. Рано или поздно они сами породят новые потребности, подготовят новых потребителей, откроют новые производства, создадут новые рынки, новые рабочие места, новые кафедры, факультеты и вузы для подготовки новых специалистов… но отнюдь не обязательно. Прекрасное инновационное далеко может и не наступить. Потому что экономическая среда сопротивляется с ожесточением. Да и социальная – тоже. Так, производителям дезинфицирующих ядов наплевать, что применение обеззаражи-

вающей воды в 300 раз эффективнее и в бесконечное число раз безопаснее, чем применение их отравы. Они будут стоять до последнего. Они имеют право не любить конкурента.

И дело, к тому же, не только в этом. Инновация – враг не только старому. Гораздо хуже то, что она враг самой себе. Инновация, скажем так, противна человеческой природе. Ну, может быть, не совсем, но в значительной мере. Она – удел пассионариев, а большинство людей к ним не принадлежит. Большинство человечества консервативно. Оно терпеть не может революций, потрясений. Оно настороженно относится даже к незначительным переменам. Оно ценит стабильность, спокойствие, уют, комфорт, и это вполне естественно… Ничего этого инновационная экономика не обещает. Наоборот, она беспокойна и весьма сурова. Инновации, честно говоря, можно внедрять только от отчаяния, когда остальные способы удержаться на рынке испробованы и не дали результата. Основная причина внедрения новшеств – конкуренция. Не будь ее, мы не увидели бы многих инноваций. Ведь надо останавливать завод, выкидывать оборудование, покупать новое, переучивать персонал, а это сопряжено с огромными затратами и огромными рисками. Нужна очень сильная мотивация, чтобы решиться на такую головную боль. Поэтому в автомобильной или в фармацевтической промышленности компании скупают патенты, технологии и кладут их в долгий ящик, перекрывая кислород конкурентам и ничего не меняя у себя, поскольку у них и так все

хорошо… Или, бывает, предлагаешь фирме какое-то новшество, а тебе отвечают: «здорово, у нас такого нет, и если бы ты принес эту штуку лет десять тому назад, то мы внедрили бы ее мгновенно, а теперь не будем».

Так рассуждает Сергей Юрьевич Симаранов, глава фирмы «Техноконсалт», десять лет занимающейся сопровождением инновационных проектов на российском и международном рынках и знающий ситуацию изнутри. Доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией в оборонном институте, в 1993 году он вынужден был «уйти в никуда». Не было ни копейки, вспоминает он сегодня, зато был шанс отвоевать место под рыночным солнцем… Сейчас Симаранов забегает изредка попить чайку со старыми товарищами по науке. У них все по-прежнему… в точности, как у Устюгова с Кочубеем. У всех российских ученых и изобретателей, чьи труды складированы на полках, одна беда, полагает вчерашний завлаб и сегодняшний предприниматель Симаранов. Они не знают и зачастую не хотят знать, кто и зачем будет покупать их интеллектуальный товар. Они стучатся к разным инвесторам в поисках денег, но пока непонятны рыночные перспективы идеи, искать инвестора бессмысленно.

Наша сегодняшняя система выстроена неправильно, утверждает профессор-бизнесмен. Исторически инновации идут у нас от науки, а все программы инновационного развития представляют собой «шаги к рынку». И ученый куда-то

шагает, толком не зная, куда, потому что не очень представляет, в какой стороне рынок, и если все-таки до него добирается, то обнаруживает, что платят там только за нужное покупателям. А вот нужно ли им то, с чем рвался на рынок он, непонятно. Возможно, что очень даже необходимо, но не в виде голой идеи, а виде машины, прибора, технологии, короче, продукта. Это совершенно естественно – ведь вы идете в булочную за хлебом, а не за мукой, дрожжами и водой. А наша наука очень часто предлагает нам куль муки и пачку дрожжей, идею хлеба, а не сам хлеб. Такова психология ученых – они хотят заниматься тем, чем они хотят заниматься. В науке так жить можно. Но встать на инновационный путь развития не значит превратить страну в научное сообщество. Инновационная экономика зиждется на совершенно других принципах, на нее нельзя переносить научные методы. Она требует правильной постановки целей. Пока цель обычно формулируется так: поднатужиться и протолкнуть разработку на рынок. Чаще это не получается, и начинаются стенания по поводу недостатка инвестиций, совершенно бесплодные и вредные, потому что упор на инвестиции вообще ошибочен. Это только средство; цель – это выход на рынок. Цель – продать научную идею, воплощенную в технологии, приборе, машине, короче, товаре, на рынке. Из этой цели и надо исходить, выстраивая инновационную систему.

Она должна строиться не от науки, а от рынка. И уже тем

более не от отдельного изобретения, будь оно даже самое замечательное. Ну, вообразите ситуацию: крупной энергетической или нефтяной компании неизвестная малая фирма предлагает пять новых разработок. Пусть уровень этих изделий выше мирового, с ней просто не будут разговаривать, потому что потребности корпорации исчисляются тысячами новшеств. Поэтому энергетики или нефтяники будут искать партнера, в портфеле которого минимум 500 новинок. Их возьмут и попросят еще. И держатель инновационных проектов начнет собирать все лучшее, что есть в России, и размещать в институтах заказы, обеспеченные деньгами. Потому что есть ясная потребность, есть потребитель с адресом, есть устойчивый рынок.

Или возьмите типичный случай, когда НИИ выходит на представителей западной фирмы в России и предлагает нечто новое и действительно хорошее. Как правило, из этого ничего не получается. Ученые либо их ходоки по коммерческим делам разговаривают непрофессионально – раз. Они не в состоянии ответить по обязательствам – два. У них нет оборотных средств, чтобы сделать образец за свой счет, а делать за чужие деньги значит самим сбивать цену своей работы – три. С западными компаниями должен разговаривать адекватный партнер, который договорится о конкретных сделках, организует команды, дорабатывающие технологии под заказ, и ответит по обязательствам.

Этот партнер – посредническая фирма. Или консалтин-

говая. Или, лучше всего, инжиниринговая. Она представляет собой, по сути, супермаркет инноваций, где есть выбор, гарантировано качество и цены ниже, чем в специализированных магазинах. Единичные, штучные инновации очень неэффективны. Чтобы довести до рынка одно изобретение, надо потратить уйму времени, сил и денег. Пока мы идем этим путем, потому что инновационные структуры традиционно строятся от науки, а не от рынка. Хотя строить их от рынка гораздо дешевле, проще, эффективнее. Мир давно понял, что есть два пути развития инновационной экономики: или вы толкаете инновации на рынок, или рынок сам их втягивает. Нам надо переходить на второй путь. Инжиниринговые фирмы – это своеобразный вакуумный насос, который втягивает инновации из науки. Затраты на продвижение каждой здесь в сотни раз меньше. Это основа инновационной инфраструктуры.

Такие фирмы обязательно появятся и у нас. Но не как координационные центры. Место консалтинга, инжиниринга – не сверху, а «сбоку», на уровне прочих элементов инфраструктуры. Она принципиально не иерархична, здесь принципиально горизонтальные связи, принципиально экономические отношения. Это структура принципиально распределенная – сетевая, причем с четко обозначенными векторами от рынка к науке и от науки к рынку, которые придадут стройность сегодняшнему броуновскому движению, всему этому инновационному хаосу. И все очень обрадуют-

ся порядку и займутся своим делом. Ученые не будут ломать голову над неразрешимым вопросом, что делать с этими проклятыми идеями, которые хороши, но почему-то никому не нужны, и перестанут превращаться в неумелых бизнесменов.

Акцент всей инновационной деятельности сместится с поиска потребителя на организацию взаимодействия, взаимовыгодного сотрудничества. Понадобится создавать команды специалистов разного профиля, нечто вроде временных творческих коллективов, причем не из отдельных специалистов, а из лабораторий или даже целых институтов, каждый из которых получит возможность капитализировать свой задел, чувствуя себя защищенным от бандитов и воров. Красть изобретения, технологии станет куда менее выгодно, чем заключать цивилизованные союзы с авторами, работать со всеми следующими идеями, которые они предложат, постоянно подпитывать рынок. Зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Бизнесмен платит ученому, тот творит – к обоюдной выгоде. Когда каждый занимается своим делом, большинство проблем с интеллектуальной собственностью снимается, интеллект, менеджмент и финансирование составляют триаду. Чтобы бизнес развивался нормально, связи между ними должны быть устойчивыми…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.